

Светлана Демидова

Мечта
цвета
фламинго

русский любовный
роман

Светлана Демидова
Мечта цвета фламинго

«Автор»

2006

Демидова С.

Мечта цвета фламинго / С. Демидова — «Автор», 2006

ISBN 5-699-18733-2

Неужели в дамских романах пишут правду? И неужели то, что творится сейчас – происходит на самом деле?.. Нина сидит в кресле у камина, а богатый и известный в городе человек готовит ей ужин... Чудеса? Конечно. Правда, человек этот – муж Светки, бывшей одноклассницы Нины. Светка завела себе любовника – красавца-мясника, а своего мужа самым настоящим образом... подарила подруге! Зачем? Наверное, захотела, чтобы и Нине достался кусочек счастья, а вместе с ними роскошные платья и драгоценности, которые принялся дарить ей щедрый любовник. Или все это судьба подкинула только для того, чтобы Нина поняла: счастье все равно не в деньгах, и даже не в их количестве?...

ISBN 5-699-18733-2

© Демидова С., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

38

Светлана Демидова

Мечта цвета фламинго

«Он прижался к ней своей горячей плотью, а потом вошел в нее...» – прочитала Нина и раздраженно захлопнула книгу. Все то же самое, из книжки в книжку: перед тем как прижаться и войти в нее, мужчина с горячей плотью и очень выигрышной внешностью для начала вышел, естественно, из «Мерседеса», а перед этим – еще и из банка, главой которого, само собой, являлся. А та, к которой он прижимался, была простой библиотекаршей, и ее накануне совершенно случайно слегка сбил его «мерс». У нее, разумеется, как раз перед столкновением было абсолютно растерзанное сердце и полное неверие в возможность новой любви со стороны граждан с плотью любой степени нагрева. Таким образом, нарушив правила поведения пешеходов на проезжей части, эта убогая библиотекарша умудрилась получить все сразу и в одном флаконе. Но, надо признать, некоторые трудности на ее пути все-таки были, например трудновоспитуемая дочь директора банка от первого брака. Но поскольку первая супруга банкира предусмотрительно и давно скончалась где-то за пределами книги, то девочка жаждала материнской ласки и прикидывалась трудновоспитуемой лишь для проверки на вшивость библиотекарши, которая ей, в общем-то, сразу понравилась.

Нина все так же раздраженно сунула книгу в пакет между сосисками и пачкой макарон и вышла из вагона метро. Вот сейчас она поднимется на эскалаторе вверх, выйдет в город и – все «мерсы», как один, пролетят мимо, спасибо, если еще не обольют грязью из лужи. Можно, конечно, попытаться кинуться под один, но, скорее всего, после этого Нинина трудновоспитуемая дочь Лялька останется на этом свете одна, как перст. Брак, от которого у Нины образовалась Лялька, был не только первым, но и последним, и она, точно так же, как книжная библиотекарша, больше не верила в порядочность ни директоров банка, ни простых инженеров, каковым являлся ее бывший муж Георгий. Она развелась с ним, когда Ляльке, которой сейчас двадцать один, было всего четыре года, и ни разу не пожалела об этом.

Дождь так и продолжал изо всех сил молотить по лужам, которые разлились морями с самого утра. Что это за город такой: дожди и дожди! В квартире разбухли и плохо закрывались двери, влажные шторы отяжелели, спустились до самого пола, а тонкие карнизчики, весьма неграциозно изогнувшись, грозили переломиться пополам. А что делалось в ванной! Ничего не сохло! Полотенца кисли, а на крашенных заборной зелененькой краской стенах цвела какая-то гнусная плесень. Нина каждое утро отдирала ее жесткой щеткой с разрекламированным на весь свет «Кометом», но плесени было плевать на «Комет». В момент проведения санитарно-гигиенических мероприятий она временно исчезала, чтобы к следующему утру непременно и неумолимо отрастить новые, еще более извилистые плети и шупальца.

За весь май выдался всего один сухой день, но зато как по заказу – на Победу. Нина с Лялькой даже съездили на Пискаревку, положили цветы на братские могилы. А больше ни одного солнечного дня. Сплошная вода. Приезжие, правда, говорят, что у петербурженки от большой влажности воздуха – хорошая кожа, и они дольше выглядят молодыми. Может, оно и так. К Нине, несмотря на ее сорок, все до сих пор обращаются: «Девушка». Хотя, с другой стороны, в их нелепой стране так к женщинам обращаются до самой пенсии. Но и в самом деле, глупо называть ее мадам или госпожой, если на ней выгоревший плащ мальчишеского фасона и открытые босоножки, из которых в раскорячку торчат пальцы в абсолютно мокрых и заляпанных грязью колготках.

А дождь надоел до жути. И зонт надоел. Мешает. Нормальная женщина должна в обеих руках нести кошелки с продуктами, а тут целая рука занята зонтом!

Нина, бросив еще один гадливый взгляд на грязные ноги, решительно прошлепала прямо через затопанный газон с жалкими анемичными растениями и вышла на дорожку к своему

двору. У тротуара морщилась от дождя довольно прозрачная лужа, и Нина, вздрогнув от забравшейся в босоножки холодной воды, прошлась по ней вброд. Грязные колготки стали выглядеть значительно симпатичнее, поскольку водой с них смыло жирные нашлапки земли с газона. При этом здорово намочили джинсы, но какое кому до этого дело в такой дождь! У углового дома ее, как всегда, встретила веселенькая урна, на серо-бетонном боку которой было нарисовано оранжевое улыбающееся солнышко. На крутом солнечном лбу красовалась белая лаконичная надпись: «Тарасов». Урна стояла у дома уже месяца три, аккуратно с избирательной кампании, когда этот самый Тарасов Михаил Иннокентьевич, владелец сети магазинов «Вега», куда-то там баллотировался по их избирательному округу. Фамилия солнечной урны всегда смешила Нину, улучшала ей настроение, и она даже подумывала, что именно в этом и состояло ее настоящее предназначение, а вовсе не в вульгарном сборе мусора. Она, как всегда, улыбувшись урне, прошла во двор и, продолжая глупо улыбаться, представила, как ее сбивает машина Тарасова (слегка, не насовсем), а из нее выскакивает испуганный до слез за Нинину жизнь Михаил Иннокентьевич собственной персоной и, бережно поднимая ее с асфальта, тут же прижимается к ней горячей плотью. Конечно, магазины «Вега» – это вам не банк, но тоже кое-что. Можно даже будет простить, если плоть у него окажется не очень-то и горячей. Нина расхохоталась вслух, а ветер, который, очевидно, был мужчиной, оскорбился этим ее смехом и в отместку вывернул наизнанку ее старенький зонт с давно и безнадежно погнутыми спицами. Она, резко развернувшись против ветра, быстро привела зонт в чувство, но чуть не уронила в лужу пакет с продуктами и была в лучшем виде обрызгана проезжающей мимо серебристой иномаркой. Может быть, даже и «Мерседесом». Честно говоря, она в машинах совершенно не разбиралась. Нина выругалась бы как можно заковыристей, если бы имела соответствующие навыки, но она их, к сожалению, не имела, а потому смогла лишь тихо пробормотать в пространство: «Вот гад!» – и остановилась, разглядывая коричневые жирные кляксы на бежевом плаще. Как ни странно, машина не уехала, а остановилась чуть впереди Нины. Она подумала, что по законам жанра из нее все-таки должен выйти владелец солнечных урн Тарасов, но со стороны водителя из машины ловко выбралась высокая женщина в апельсинового цвета кожаном пиджаке и побежала к Нине.

– Простите меня, пожалуйста! – Женщина чуть ли не на колени опустилась перед Ниной.

– Да ладно... – Нина, пораженная эдаким участием со стороны иномарки, попыталась осторожненько вытащить полу своего плаща из рук сумасшедшей женщины с пальцами, искрящимися дорогими перстнями, но у нее ничего не получилось.

– Быстро садитесь в машину, – приказала женщина, оторвавшись наконец от плаща. – Сейчас все решим! Надеюсь, вы не против? – Она заглянула Нине в глаза и вдруг совершенно другим голосом прошептала: – Не может быть... Нинка? Ты?

Удивленная Нина тоже присмотрелась к женщине повнимательней и пролепетала:

– Я Нина... да... А вы... О-о-ой... Не может быть... Светка! Неужели ты?

– Ну конечно, я!

– Ты!! Такая машина!! Такой пиджачара!! Слушай, ты кто?!

– Конь в пальто! – очень современно выразилась Светка и опять потребовала: – А ну быстро в машину!

Ветер, продолжая цепляться за Нину, как настоящий подвыпивший мужчина, снова вывернул ее зонт наизнанку, но это уже никого не интересовало. В вывернутом состоянии зонт был захлопнут, торопливо скомкан и отправлен в пакет к макаронам, сосискам и директору банка с горячей плотью, а Нина неловко шлепнулась на велюровый чехол сиденья Светкиной навороченной тачки.

– Не умею я в эти машины... – виновато пробормотала она и прижала к груди свой пакет. Ручка зонта уперлась ей практически в глаз.

– Ну! Как ты?! – набросилась на Нину Светлана. – Сто лет не виделись!

– Да что я... Я – ничто и никак! Ты-то как! На одном пальце небось сто тысяч долларов!
– А-а-а! – махнула своими кольцами Светка. – Ерунда... платина...

– Ну... если платина... то, конечно, ерунда, – согласилась Нина. – Особенно, если с бриллиантами – то лучше уж и выбрось! Чего, в самом деле, позориться?

Светлана захохотала, и Нина увидела лучики тоненьких морщинок, разбегающиеся от глаз бывшей школьной подруги. Да-а-а, время никого не щадит.

– А ты все та же! – весело констатировала Светка и так лихо стартовала с места, что зонт все-таки заехал своей ручкой Нине в глаз. – Рассказывай, как живешь!

– Говорю же, рассказывать особенно нечего... А куда мы едем? – Нина, потирая подглазье, посмотрела в окно и увидела, что они удаляются от ее дома. – Мне домой надо, у меня Лялька не кормлена...

– Лялька – это кто?

– Это моя дочка.

– Маленькая, что ли?

– Ага, всего двадцать с хвостиком.

– Тогда перебьется и без кормежки! А муж-то у тебя сам поест в состоянии или ты и его все еще грудью кормишь?

– Кто его знает, чем его там кормят...

– Где?

– Кто его знает, где...

– В разводе, что ли?

– Ага.

– Тогда это здорово облегчает нам дело. Позвони своей Ляльке, скажи, что приедешь поздно, а она... чтобы где-нибудь поела, например, у соседей! У вас хорошие соседи?

– Хорошие. У них снега зимой не выпросишь.

– Ну... тогда пусть Лялька сделает разгрузочный день! Очень полезно для фигуры! Звони!

– Откуда же я позвоню?

– У тебя что, и телефона нет?

– Почему нет? Дома есть, а вот мобильником, извини, не разжились. Одними только вот сосисками с макаронами!

– Держи! – Светлана бросила Нине в пакет крохотный ярко-красный телефончик.

– Я и пользоваться-то им не умею.

– Нажми кнопку наверху в центре, где изображена телефонная трубка, и набирай номер. Нина попыталась сделать то, что ей велели, нажимая на малюсенькие кнопочки с циферками, но у нее ничего не получилось.

– Нет, не могу! Это удовольствие не для людей с моим достатком, – усмехнулась она, разглядывая дорожную игрушку.

– Зачем ты так давишь-то?

– А как надо?

– Ноготком и слегка – вот как! – Светлана так молодецки свернула влево, что ей на обтянутые сверкающими колготками колени вывалилась из Нининого пакета книга про директора банка и удачливую библиотечаршу, а сама Нина завалилась ей на плечо.

– Неужели ты читаешь это дерьмо? – Светка брезгливо сбросила книжку в яркой обложке себе под ноги.

– Ага, читаю, уходя, таким образом, от суровой действительности в сладкую страну грез и мечты.

– Ясно... Звони, говорю! А то будешь весь вечер дергаться!

Нина раскорячила пальцы, с большим трудом своими неухоженными ногтями набрала домашний номер и прислонила телефончик к уху. Привычного внушительного микрофона старых стационарных аппаратов перед губами не было, что ей совершенно не понравилось.

– Интересно, и куда тут говорят, если... – начала Нина и тут же вынуждена была себя прервать, поскольку дочь отозвалась в ухо неожиданно громко. – Лялька! – закричала и она на всю машину, будто бы они пошли в дремучий лес по грибы, и дочка где-то там потерялась. – Ты меня слышишь? Ты меня хорошо слышишь? Ничего я не ору! Ничего не случилось! Я говорю – ни-че-го не слу-чи-лось! Да не ору я! – все-таки вынуждена была вернуться в обычную свою тональность Нина. – Я хочу сказать, что приду сегодня поздно. Что? Когда? Не знаю когда... Нет, не с мужчиной... Знаю, что зря... Ну вот честное слово, что не с мужчиной! Сделай себе яичницу! А в кухонном шкафу, в самом низу, еще есть банка тушенки... Ничего не древняя... Не помрешь! Ну все! Я по мобильнику! Это дорого! Целую! Да не мужской это мобильник! – Она отняла аппаратик от уха и спросила: – Как отключиться-то?

Светлана выхватила у нее телефон, сама выключила его, а машина так забрала вправо, что у Нины перехватило дыхание.

– Ну ты лихачка! – восхищенно сказала она.

– Время – деньги! Знаешь, поди, такую поговорку.

– Так ты, значит, у нас бизнесвумен?

– Ну... вроде того...

– Так куда мы все-таки едем? Если в ресторан, то я не пойду, потому что на мне джинсы, Лялькин старый свитер и мокрые колготки.

– Не в ресторан. Ко мне.

– А твой муж? Вдруг ему это не понравится?

– Да кто его будет спрашивать, что ему понравится, а что нет?

– Свет! А он у тебя кто?

– Да никто! Тарасов. Слыхала?

Нина тут же вспомнила солнечную урну и удивленно спросила, совершенно не рассчитывая на положительный ответ:

– Это тот... у которого магазины... «Вега»?

– Да, – совершенно равнодушно отреагировала Светлана.

– И ты при этом считаешь, что он никто? – ахнула Нина и, закрыв рот рукой, удивленно покачала головой. Надо же! Значит, можно считать, что грязью ее окатил практически сам Тарасов, Михаил Иннокентьевич, как она того и желала.

– Конечно, никто! Это мои магазины, а Мишка – так... ширма... Женщине трудно в бизнесе. Мы делаем вид, что бизнесмен он, а я только на подхвате.

– А на самом деле...

– А на самом деле он безмозглый болван, и я давно выгнала бы его в три шеи, если бы не его имя, которое уже, считай, фирменный знак.

– Слушай, Светка, а в депутаты-то хоть он пробивался или...

– Разумеется, «или»!

– Нет, ты что, хочешь сказать, что ты еще и депутатша?

– Я всего лишь жена депутата Тарасова, но на самом деле все это нужно было мне!

– Тебе что, мало магазинов? – искренне удивилась Нина. – Неужели ты решила, как некоторые исторические уже товарищи, тоже «сходить во власть»?

– Нужна мне эта власть, как... – и Светка заковыристо выругалась. – Мне нужны мои магазины, а на землю, на которой они стоят, кое-кто давно уже разевает рот, и потому без депутатских прав и возможностей мне никак! Понимаешь?

– Не очень...

– Ну и не надо тебе понимать! Ты же не собираешься заводить себе магазин!

– Честно говоря, даже если бы и собралась, то вряд ли у меня получилось бы.

– Да, сейчас куски уже все поделены, сейчас удержать бы!

– Свет! Ты меня, конечно, прости, но урны твои – прямо умора! Я каждый день хохочу, когда мимо прохожу!

– У-у-у! – прорычала Светлана. – Ненавижу!

– Урны?

– Мишку, кретина! Один-единственный раз позволила ему себя проявить, так на тебе – урны «Тарасов»! Я ему говорю: «Зачем ты, идиот, это сделал?» – а он, представляешь, сказал, для того, чтобы электорат знал, что он заботится о чистоте родного города. А я ему говорю: «Неужели ты не чувствуешь двусмысленности того, что урна носит твою фамилию?..»

– А он?

– А что он? Что с дурака взять?

Нина посмотрела в залитое дождем окно. Они выезжали уже на площадь Победы и двинулись в сторону Московского шоссе.

– Где же вы живете? – спросила она.

– Где придется, – небрежно ответила Светка, будто в своем апельсиновом пиджаке бомжевала под питерскими мостами. – У нас квартира в центре и коттедж за городом. Мы сейчас туда. Там Мишка. Надеюсь, накормит. На предмет жратвы он – прямо поэт! Ему бы в ресторане работать! Шеф-поваром!

– А дети... У вас есть дети?

– Сын у нас – Пашка, Павлик ненаглядный. Двадцать четвертый год идет. Универ заканчивает. Мы ему квартиру купили на Петроградской. Так что не досаждаем, понимаешь!

– Ну и как он там? Не боишься за него?

– Знаешь, в каждой избушке свои погремушки! Кто-то не знает, как сдерживать юношескую, извини, сексуальность, а у нашего – одна учеба на уме... Программист хренов! С такими девчонками знакомила – и ничего! Знаешь, я иногда даже начинаю подумывать, может, он нетрадиционной ориентации...

– Да ладно...

– Хотелось бы и мне, чтобы было «да ладно».

Через некоторое время, в течение которого бывшие одноклассницы весело оглядывали друг друга, шутили и улыбались, машина остановилась у красивых кованых ворот, навешенных на два краснокирпичных столба, очень ярких от дождя. Светлана вышла из машины, что-то где-то нажала, и ворота распахнулись.

На крыльцо тоже краснокирпичного дома выскочил высокий мужчина в спортивном костюме и с большим клетчатым зонтом над головой.

– Знакомся, Нина, это мой муж – Михаил! – церемонно представила его Светлана и без перехода добавила: – Мишка! Есть охота – сил нет!

– Все сейчас будет! – ответил Михаил, очень похожий на свои многочисленные портреты, галантно подал руку Нине и провел ее в ярко освещенный холл.

Ее мокрые ноги сразу утонули в пушистом ковре цвета морской волны. У большого зеркала в золоченой широкой раме стоял низкий столик, заваленный журналами и книгами. Его окружали бело-розовые, необычной формы кресла, похожие на медуз. В напольных белых вазах стояли декоративные золотые ветки. Стены были обиты поблескивающим бледно-зеленым, под цвет ковра, материалом. В холл выходило несколько бело-золотых высоких дверей, а вверх вела винтовая лестница с перилами, покрытыми медово-золотистым деревом или, может быть, пластиком.

Такие интерьеры Нина видела только в кино, рекламных журналах и телепередаче «Пока все дома». Прижимая к груди пакет с продуктами, она озиралась по сторонам, как девочка Элли в Изумрудном городе.

– Да брось ты свои сосиски, честное слово! – раздражилась Светка, вырвала у Нины пакет и швырнула его в медузообразное кресло. – Мишка даст тебе потом с собой что-нибудь получше! Проходи в комнату.

Комната тоже была отделана в стиле самых современных технологий и напоминала стерильно отмытый офис, ординаторскую или даже операционную: белые стены, кремовые жалюзи, безделушки с металлическим покрытием, утопленные в панелях светильники, кожаная скользкая мебель. Нина подумала, что она не хотела бы так жить. Для нее родной дом – это теплая, немного тесная нора с темной мебелью, тяжелыми шторами, большим количеством книг и матерчатыми уютными абажурами над лампами, льющими желтый свет.

– Садитесь, Нина, к камину. Такая сырость на улице... – услышала она голос Тарасова. – Светочка скоро придет.

Нина обернулась. Позади нее действительно находился камин, самый настоящий, пышущий красным жарким огнем. Перед ним стояло кресло-качалка с небрежно брошенным на спинку полосатым пледом. Пушистый яркий плед, кресло и огонь резко диссонировали с белоснежной комнатой, чему Нина очень обрадовалась. Она аккуратно положила плед на рядом стоящий стул и осторожно опустилась в кресло.

– Надо поближе! – К ней подошел Тарасов, подвинул ее вместе с креслом к огню, бережно накрыл ей ноги пледом, даже слегка качнул и сказал: – Светлана после тяжелого рабочего дня как минимум полчаса проводит под душем. Вы уж простите ее. Она действительно много работает и устает. А я сейчас все приготовлю для ужина.

Потрясенная Нина, вжавшись в кресло, напряженно кивнула. Неужели в этих глупых книжонках пишут правду? Вот она, Нина, не только не библиотекарь, а даже наоборот, самый тривиальный инженер и сидит в кресле-качалке перед настоящим камином, как в каком-нибудь сериале, ноги ей укрыл дорожным пледом очень богатый и известный в городе человек, а теперь еще и готовит для нее ужин. Она прикрыла глаза так, чтобы оставалась узенькая щелка, через которую можно было следить за Тарасовым. Нет, пожалуй, он все-таки не очень похож на свои портреты, которыми был облеплен весь их район во время избирательной кампании. На портретах у него волевое, суровое лицо хозяина жизни, а здесь, дома, он выглядит, во-первых, гораздо старше, а во-вторых, проще и даже... симпатичнее. У него теплые карие глаза, коротко остриженные густые волосы – то, что называют «перец с солью», – и хороший рост.

А что, если представить, что никакой Светки нет! Будто бы это не она, а он обрызгал ее грязью и теперь заглаживает свой проступок камином, ужином при свечах... Вот сейчас переоденет ее вместо замызанного плаща в норковое манто... или нет... зачем ей летом, да еще и в доме, манто... Он предложит ей надеть шелковое и обязательно декольтированное платье, застегнет на шее жемчужное кольцо... Нет, декольтированное не подойдет. У нее страшный застиранный бюстгальтер, у которого и лямки-то не отстегиваются... Ну так и что! Он преподнесет ей в большой подарочной коробке невесомое прозрачное белье... Ой, а ногти... у нее такие ногти... Щипчики месяц назад сломались, а отдать деньги за маникюр в парикмахерской ее, как сейчас говорят, душит жаба. Можно, конечно, почаще держать руки опущенными... Но босоножки у нее тоже не фонтан. Они и к джинсам не подходят, а уж к вечернему платью и подавно... Нина вздохнула... Нет, она не по зубам миллионерам: на нее надо здорово тратиться. Так и разориться недолго. Она согнала с лица мечтательное выражение, с удовольствием отдалась теплу, идущему от камина, и перестала о чем-либо думать вообще.

– Нинка, ты прости! Если я не приму душ, то не человек! – в комнату шумно ввалилась Светлана в длинном, до пят, черном махровом халате и с намотанным на голове таким же черным полотенцем. – Если хочешь, можешь тоже принять! Только я, уж извини, буду есть! Просто умираю с голода! – и она плюхнулась на низкое кресло у небольшого столика, на котором Тарасов уже расставил приборы, фужеры, бутылки и кое-какие закуски.

– Нет, – покачала головой Нина. – Сто лет не виделись, а я вдруг потащусь в душ! Я, Светка, чистая! Клянусь!

– Придется поверить тебе на слово. Двигай к столу.

Нина не без труда выбралась из качалки и опустилась в кресло рядом с бывшей одноклассницей. Стол был красиво сервирован, а на блюдах лежало ассорти мясное и рыбное, стояли изящные емкости с крошечными огурчиками, грибами, икрой и еще... и еще с чем-то, что Нина видела впервые в жизни. Светлана плеснула себе в фужер красного вина и одним духом выпила.

– Обожаю «Хванчкару»! Казалось бы, сейчас могу себе все, что угодно, позволить, а прошу Мишку покупать в нашей «Веге» вот эти рябые бутылки с дешевой «Царицей Тамарой». Мишаня-я-я! – оглушительно крикнула она. – Тащи сразу горячее!

Тарасов из глубины дома прокричал ей в ответ что-то маловразумительное, а Светка уже наливала вино Нине и накладывала ей в тарелку всякую всячину.

– Ну, давай выпьем за встречу! – подняла она на Нину светло-голубые, выпуклые, в загнутых светлых ресницах глаза с только что тщательно смытой тушью. – Я очень тебе рада!

Они весело чокнулись, выпили, и Нина подумала, что «Царица Тамара» и впрямь ничего.

– Вот скажи честно, Нинка, могла ли ты, когда мы сидели за одной партией, предположить, что из меня бизнесменша получится? – засунув в рот целый огурчик и хрустя им, спросила Светлана.

– Тогда, если ты помнишь, наша Маргарита Иванна говорила, что, если Света Белова очень постарается, то, возможно, ее возьмут в парикмахерши, – рассмеялась Нина. – А слово «бизнес» вообще было ругательным.

– Нет, ты все-таки не увиливай от ответа на вопрос: могла ли ты предположить, что я, серая троечница и та самая Светка Белова, которая могла рассчитывать только на парикмахерскую, буду владеть пятью магазинами?

– У тебя целых пять магазинов? – удивилась Нина.

– Ага, пять. И для шестого уже выкупила у муниципалитета помещение в доме у метро на Васильевском острове. Слушай, ты опять ловко ушла от моего вопроса! Говори быстро, могла предположить? Могла?

Нина не знала, чего хотела от нее Светлана: чтобы она восхитилась ее неожиданно вдруг прорезавшимися способностями или сказала бы, что всегда их в ней подозревала. Минуту промедлив, Нина выбрала второе:

– Ну... дурой ты никогда не была!

– Это точно! – расплылась в улыбке Светлана, и Нина поняла, что попала в десятку.

Как раз в этот момент в распахнутую дверь депутат Тарасов вкатил сервировочный столик с тарелками. Аромат чего-то душисто-пряно-мясного мгновенно наполнил всю комнату.

– Ну! Что я тебе говорила! Чуешь, как пахнет! Поэт кухни! Певец жратвы! Вот в этом ему равных нет! – весело хвалила мужа Светка.

Смущенно улыбающийся Тарасов поставил перед женщинами исходящие жаром тарелки и присел на такой же низкий, как кресла, диванчик. Нина обратила внимание, что у него красивые и тонкие руки с сильными длинными пальцами, и опять представила, как он этими самыми пальцами застегивает у нее на шее жемчужное кольцо. А что такого? Светке он все равно не нравится и надоел, а ей, Нине, вроде ничего... А что подержанный, так не страшно... К секунд-хенду ей не привыкать.

Мясо было таким вкусным и тающим во рту, что некоторое время все молча ели. Отправив в рот последний кусочек, Светлана сказала:

– Ну вот! Мы у тебя как на ладони. Вроде бы и рассказывать больше особенно нечего. Ты-то как живешь?

– По-моему, по мне все видно без комментариев, – смутившись, ответила Нина. Вообще-то по поводу своей нищеты она уже давно перестала смущаться, но тут, на глазах у Тарасова с его тонкими пальцами и по-детски длинными ресницами, ей почему-то вдруг стало стыдно и за растянутый Лялькин свитерок, и за потертые джинсы, и даже за двадцатирублевое нефритовое колечко на пальце. – Работаю... Все там же, на «Петростали»...

– Так вас же, по-моему, продали? Или я ошибаюсь? – вскинула белые бровки Светлана.

– Продали многие цеха, но не все еще.

– Это не у вас теперь мармелад делают?

– У нас. И мармелад у нас, и сельдь пряного посола у нас. Не поверишь, но стальные слитки теперь селедкой с укропом пахнут!

– Так надо же оттуда срочно ноги делать!

– Некуда мне идти, Светка. И лет уже много, да и ничего, кроме своей экспертизы, я не умею.

– Что за экспертиза?

– Определяем причины брака.

– Селедки пряного посола?

– Ты зришь в корень. Брак все меньше и меньше по причине того, что завод почти уже не выпускает стальных изделий и скоро вообще накроется медным тазом.

– Как же вы существуете?

– За весь завод тебе не скажу, а нам начальник иногда подкидывает работенку от Центра независимой потребительской экспертизы.

– А там что?

– Преждевременные разрушения при эксплуатации всяких там вентилях парового отопления, стальных отверток, автомобильных осей и прочее. Я однажды даже циферблат швейцарских часов исследовала, которые, конечно, оказались никакими не швейцарскими...

– И тебе это нравится? – ужаснулась Светка и залпом выпила целый фужер любимой «Хванчкары».

– Ну... вообще-то... нравится, – медленно проговорила Нина и, чуть подумав, уверенно повторила: – Да, нравится. Я люблю свою работу.

– В самом деле, Светочка, у твоей подруги очень нужная специальность, – вставил вдруг свое слово Тарасов. – У меня вот недавно сразу две биты от отвертки фирмы «Bosch» сломались. Вот посмотрите, – и он достал из кармана спортивной куртки две биты с крестовыми жалами.

Нина взяла их у него из ладони и поднесла к глазам.

– Скорее всего, это такой же «Bosch», как те швейцарские часы, о которых я только что говорила, – предположила она, разглядывая изломы.

– Вы это прямо на взгляд можете определить! – восхитился Тарасов.

– Нет, на взгляд, конечно, не могу. Но вы попробуйте у своей отвертки протереть фирменный знак элементарным спиртом, ну... или даже водкой можно... Если сотрется, то... сами понимаете... Некоторые ловкачи, правда, уже и фирменные знаки научились классно подделывать. В таких случаях разобраться, конечно, гораздо сложнее. Если бы у нас были образцы фирменных изделий, то подделку, конечно, сразу определили бы, по химическому составу, а так можем только сказать, в чем причина разрушения.

– И в чем же может быть причина? – Михаил Иннокентьевич заглянул своими коричневыми глазами прямо в душу Нине.

– Миша! Вспомни урны и замолчи! – рассердилась Светлана. – Еще не хватало за столом говорить о работе! И вообще! Ты поел?

Тарасов неопределенно пожал плечами.

– Вот и иди! Телевизор посмотри, газетки почитай! Нам с Ниной поговорить надо! Мы больше двадцати лет не виделись! Даже странно... Хотя, в Питере потеряться – пара пустяков!

Тарасов, все так же пожимая плечами, поднялся из-за стола и послушно направился к выходу.

– А через часик кофе нам подай! – крикнула ему вслед Светка и посмотрела на Нину. – Или, может быть, чай?

– Да... чай... или кофе... все равно... – Нина испытывала неловкость, глядя, как бывшая одноклассница помыкает здоровым и еще красивым мужчиной.

– В общем, принеси и то, и другое, – заключила Светлана и окончательно махнула на мужа рукой.

– Как только он тебя терпит? – все-таки не удержалась от замечания Нина. – У вас тут прямо какой-то фарс разыгрывается: крутая жена и муж на побегушках.

– А так оно и есть. Кто платит, Нина, тот и заказывает музыку, ты же знаешь! А потом... кто ему мешает дать мне в зубы или хотя бы... изнасиловать? Так нет... Терпит все... Мы уже скоро год, как не спим вместе! Ты представляешь?!

Нина это очень хорошо представляла, но покивала головой так сочувственно, будто сама каждую ночь спала чуть ли не с двумя мужчинами одновременно. Светлана достала из какого-то ящичка пачку сигарет и бросила на стол.

– Кури, если куришь.

Нина отрицательно помотала головой.

– Ну и правильно! А я курю! – гордо заявила Светка, распечатала пачку, вытащила оттуда тонкую коричневую сигарету и закурила. – И пью! Но не бойся, не сильно. Так... От тоски...

– Ясно! Знаем! В кино видели! Богатые тоже плачут! – усмехнулась Нина.

– Да что ты знаешь? – рассердилась Светлана, и Нина поняла, что бывшая подруга здорово опьянела. – Думаешь, я не заметила, как ты на Мишку пялилась?

Нина вздрогнула и покраснела, будто Светка застучала, как они с Тарасовым целовались.

– Ага! Чуешь, кошка, чье мясо съела! – расхохоталась Светлана. – Но я не в обиде, не думай! Он красивый мужик! Перед ним все бабы войлоком стелются, не ты одна!

– Да я... собственно... и не... – забормотала Нина.

– Да ладно! Сказала же: не обижаюсь! Более того, если хочешь, бери его себе!

– Ты пьяна, Светка, и несешь чушь! – скривилась Нина.

– Ничего не чушь! Лучше уж пусть он с тобой, чем неизвестно с кем! У тебя же все равно никого нет! Правильно я угадала?

– Правильно, – призналась Нина, хотя и не поняла, по каким таким приметам Светка это так быстро вычислила. Неужели у нее такой голодный взгляд?

– Ну так вот! Я тебе дарю Мишку! Пользуйся! – Светлана сделала рукой такой широкий жест, будто дарила Нине виллу на Средиземном море.

– Он не вещь.

– А я и не как вещь. Я тебе просто разрешаю его совратить или влюбить в себя... как тебе больше нравится...

– Дура ты, Светка! Давай будем считать, что ты ничего мне не говорила, а я ничего не слышала.

Светлана решительно загасила сигарету в своей тарелке и абсолютно трезвым голосом сказала:

– Нина! Я не пьяная. Я в любом состоянии четко мыслю, потому и бизнес у меня идет. Не люблю я его больше! Не люблю, понимаешь! И, если честно, то не такой он идиот, каким я тебе его тут обрисовываю! Он в бизнесе только ни хрена не понимает, а в остальном – хороший мужик, и просто так его бросить или отдать в лапы какой-нибудь шкуре, я не хочу. А тебе могу доверить!

– Нет, ты все-таки ненормальная! Ты меня не видела двадцать лет и совершенно не представляешь, какая из меня могла за это время получиться отличная шкура!

– Такие, как ты, Нинка, кардинально не меняются никогда. Я тобой всегда восхищалась: и добрячка, и красавица, и умница! Ты такой и осталась!

– Ты права – осталась... Та красавица и умница там, в той жизни, и осталась, а сейчас перед тобой сидит разбитое нищее убожество. – Нине вдруг стало так жалко себя, что она чуть не заплакала.

– Нинка! А Мишка как раз не нищий! У него и свой капитал имеется! Я не сволочь! У родного мужа отбирать не буду! И подлечишься, и оденешься, и Ляльку выучишь!

– Ладно! Хватит! – вышла из себя Нина. – Я, пожалуй, домой поеду!

– Ну что вы, Ниночка! Там такой дождина наяривает! Прямо шквал! – в комнату вошел Тарасов с подносом, уставленным чайничками, баночками и тонкими полупрозрачными чашечками. Он временно поставил его на широкий подоконник, собрал со столика грязную посуду, ненужные уже закуски, составил все на сервировочный столик и покатил к выходу. – Сейчас пирожные принесу! Замечательные! Из «Метрополя»!

– Никуда ты не поедешь! Еще чего! – сердито пробубнила Светка, закуривая следующую сигарету. – Не хочешь брать, что дают, не надо! А злиться не стоит! Я замуж хочу выйти за другого. Понятно тебе! А пока Мишку не пристрою – не могу!

– Можно подумать, что ты о сыне малолетнем печешься! Будто он без тебя не пристроится!

– Еще как пристроится! Я же тебе говорю, бабы от него дуреют! Одна наша знакомая такой змеей вьется, только держись! У-у-у!! Кобра!!

– Ну так вот...

– Я не хочу, чтобы он с разными там... связывался... Мы много лет вместе прожили... И Павлик у нас... А с тобой, мне кажется, он мог бы быть счастлив. Ты на него не давила бы, как я... Ты же справедливая, добрая, умная... А он – натура тонкая... Это я торгашка! А он другой...

– Знаешь, мне кажется, что ты Мишу все-таки любишь, хотя и предлагаешь его как залежалый товар...

– Конечно, люблю! И не как товар, но и не как мужчину. Только как близкого родственника, друга... А спать хочу с другим! С таким же, как я, без заморочек и выкрутасов! И, заметь, на законных основаниях!

Светлана взялась за очередную сигарету, а Тарасов, который за короткое время был переименован собственной женой из болвана и идиота в тонкого человека, внес в комнату две золоченые корзиночки с пирожными.

– Миша! Нина останется у нас ночевать! – заявила вдруг Светка. – Ты сможешь завтра с утра отвезти ее на работу в эту ее... как там... в «Петросталь»?

– Нет, Михаил, я не... – заволновалась Нина.

– Останется, останется, а Ляльке мы позвоним! – Светлана не давала Нине вставить ни слова.

– В самом деле, Ниночка, оставайтесь, – Тарасов погладил ее своим бархатным взглядом. – Конечно же, я отвезу вас завтра на работу. Куда выходит ваша проходная?

– На Московский проспект...

– Замечательно! Так вам чай или кофе?

– Пожалуй, чай...

Нина молча ела пирожное, как бумагу, не ощущая никакого вкуса, и не знала, на что ей решиться. С одной стороны, ей неудобно оставаться у Тарасовых. Не до такой уж степени она нищая, что ей и ночевать негде! С другой стороны, плащ у нее очень грязный. Ехать в таком виде в городском транспорте стыдно, а без плаща по такой погоде вообще странно. А если

завтра поехать на работу в тарасовской машине, то, выйдя из нее, можно будет быстренько юркнуть в проходную, которая находится как раз в здании, где Нина работает. Таким образом, широкая общественность не успеет сосредоточиться на ее грязном плаще. А после работы... А после работы дождь вообще может наконец кончиться. Или она позвонит Ляльке, и та привезет ей к проходной куртку. Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов, что появились некоторые перспективы если и не на жемчужное ожерелье, то, по крайней мере, на сытую жизнь. Дело за малым: надо, чтобы на нее, как говорит молодежь, побыстрее запал Тарасов Михаил Иннокентьевич. Знал бы он, как без него его женили! Ужаснулся бы, наверно! Нина очень невоспитанно слизнула с пальцев крем, подумав при этом, что полы плаща можно было сразу застирать, и они давно высохли бы у камина. Но тогда... Тогда прощай жемчужное ожерелье. Ладно, пусть плащ остается грязным, а она переночует у Тарасовых.

Поскольку решение наконец было принято, Нина потянулась еще за одним пирожным, а то смешно в самом деле – в кои-то веки попробовать знаменитые кондитерские изделия «Метрополя» и совершенно не разобраться, что у них внутри.

Потом Светлане раз сто звонили по телефону всякие партнеры по бизнесу и сын Павлик, наконец она отключила телефон, и они втроем еще раз выпили «Царицы Тамары», затем коньяка, потом кофе и опять коньяка. Нина не выдержала и закурила душистую коричневую сигарету. Затем они еще долго, опять же втроем, горячо говорили за жизнь, снова пили, курили, пьяными голосами звонили Ляльке, потом Светка откровенно предлагала Михаилу Нину, причем ни Нина, ни Михаил ни от каких ее предложений не отказывались, и наконец пришла пора укладываться спать.

Смеясь и шатаясь, они поднялись на второй этаж по той самой винтовой лестнице, которая так потрясла Нину. Она вела рукой по гладким лакированным перилам, и ей хотелось каждый день спускаться и подниматься по такой лестнице. Второй этаж коттеджа Тарасовых тоже был отделан белым пластиком, кожей, уставлен напольными вазами и увешан авангардистскими картинами – Нина никак не могла понять, что на них изображено. Она остановилась у одной, самой, на ее взгляд, противной, на которой по желтому, очевидно осеннему, полю полз отвратительный розовый паук с черной бородой и красным глазом.

Светлана приблизилась к Нине, для устойчивости уперла руки в бока и хвастливо заявила:

– Додик Краснодемьянский писал! Жутко талантливый! Его картины на западных аукционах выставляются. Нравится?

– Не-а... – помотала головой Нина. – Не люблю насекомых.

– Каких еще насекомых? – рассердилась Светлана. – Ты у нас что, неграмотная? Видишь, написано: «Купальщица на песчаном пляже»!

На Нинином лице проступило такое неподдельное изумление, что Михаил Иннокентьевич раскатисто рассмеялся:

– Я же говорил тебе, Светочка, что лучше повесить Додикину картину во-он в тот темный уголок под лестницей, а то, глядя на нее, гости начинают подозревать нас в разного рода извращениях.

– Э-э-х! Что бы вы понимали! Да, может, эта «Купальщица» лет эдак через сто станет так же знаменита, как «Черный квадрат» Малевича! Я посмотрю, что вы тогда запоете?

– Через сто лет, Светочка, скорее всего, мы будем петь уже в хоре ангелов, и это, заметь, в лучшем случае! – весело заметил ей Тарасов.

– Ну вас! – заключила Светлана и остановилась против одной из дверей. – Вот здесь у нас гостевая комната, – ткнула она в дверь длинным перламутровым ногтем. – Располагайся, Нинка! Там есть все, что твоей душе угодно, и даже будильник. Представляешь?! Простой такой, механический. Они самые лучшие... Заведешь, как тебе надо. – Она посмотрела на Тарасова и сказала ему: – Я пошла! А ты – не уходи! – И она погрозила ему пальцем. – Ты

выясни, когда тебе подавать ей машину и... все такое... в общем, не мне тебя учить... – Она отцепилась от руки мужа и нетвердой походкой пошла дальше по коридору.

У Нины кругом шла голова: от выпитого вина пополам с коньяком, от крепких сигарет, от волнующего присутствия приятного мужчины, которым ей так царственно разрешили пользоваться. Конечно, она не станет им пользоваться. Еще чего! Это некрасиво и подло! Да и что это они за него решают? Может, он и не захочет? Какому мужчине нужны такие свитера, как у нее, и пожелтевшие бюстгалтеры? Нине вдруг опять стало жалко себя до слез, и она, не без труда прогнав их, сказала Тарасову, стараясь не смотреть в его бархатные коричневые глаза:

– Мне на работу к восьми, а сколько займет времени езда отсюда до Московского проспекта, я не знаю.

Порадовавшись, что умудрилась четко и без запинки произнести такую сложную фразу, Нина открыла дверь, вошла в комнату и сразу ее за собой прикрыла, как бы отрезав от себя Тарасова. Она немного постояла у двери, прислушиваясь и надеясь, что он, может, все-таки поскребется к ней. Тарасов не поскребся. Нина сказала себе, что так оно и должно быть, и осмотрелась. Комната была выдержана в том же стиле хай-тек, что и гостиная внизу: светлая кожаная мебель, встроенные шкафы с пластиковым покрытием, металлические дизайнерские изощрения непонятного назначения и монументальная кровать, покрытая голубоватым и таким блестящим покрывалом, что казалась только что залитым катком. Все это Нине опять не понравилось. Она дернула за ручку еще одну, неожиданно появившуюся перед носом дверь, надеясь выйти в какое-нибудь более приятное место, и оказалась в ванной комнате, выложенной черным с золотом кафелем. Ванна была величиной с небольшой бассейн, а одну из стен целиком занимало зеркало. Нина открыла золоченые вентили кранов, намереваясь полежать в горячей воде и немного прийти в себя, и принялась раздеваться у зеркала, одновременно размышляя о том, что эти вентили наверняка никогда не ломаются, и Светке не придется приносить их к ней, Нине, на экспертизу. Вентили очень красивые, особенно если сравнивать их с этим ужасным бюстгалтером! Может быть, купить голубую «Фантазию» и покрасить его? Или уж лучше желтое и красить в желтое? Или все-таки перестать жаться и купить наконец на толчке у метро новый? Но тогда стельник вылетит точно, как минимум. А трусы? Вы посмотрите на эти трусы! Прощай, молодость! Разозлившись окончательно, Нина, пошатываясь, как Светка, сняла с себя всю одежду и опять уставилась в зеркало. А что?! Она еще ничего! Трусы с бюстгалтером ее, конечно, не украшают, даже, можно сказать, портят, а так, без ничего, она еще о-го-го! Нина приняла несколько соблазнительных поз, а потом вдруг все-таки пустила слезу. Никому это ее «о-го-го» не надо: ни Тарасову, ни кому-нибудь другому. Никому не нужна эта престарелая бабища! Всхлипывая, Нина залезла в ванну. Вместо того чтобы взбодриться и протрезветь, в горячей воде она окончательно размокла, размякла и разрыдалась. В конце концов у нее так разболелась голова, что она еле вылезла из воды, кое-как вытерлась, с трудом добралась до постели и заснула прямо на скользком голубом катке покрывала...

– Ну и кто же вас, Ниночка, привез? – сладким голосом спросила Галина Андреевна, стоило только Нине войти в свою лабораторию.

Нина знала, что Галина ни за что не отстанет, а потому решила сказать правду:

– Тарасов.

– Это, значит, у него фамилия такая! Тарасов! Ясенько... – еще слаще пропела Галина. – Хорошая фамилия. А зовут как?

– Михаилом.

– Надо же, как владельца «Веги»! – подскочила Фаина. – Жаль, что это совпадение, а не настоящий Тарасов, правда, Нинка?

– Почему же совпадение? Он самый и есть! Михаил Иннокентьевич, бизнесмен и депутат!

– Ладно врать-то! – отмахнулась Фаина и раскрыла рабочий журнал.

– Я не вру! – усмехнулась Нина. – Раз вы в окно глазели, то неужели не видели, какая меня машина подвозила?

– Ну... вообще-то... тачка, конечно, была крутая... – растерялась Фаина.

– Да вон она и до сих пор на том же месте стоит! По-моему, это не «мерс»... «Хонда», что ли? – сказал, прихлебывая у окна свой вечный утренний чай, ведущий инженер Лактионов. – И мужик рядом все еще стоит!

Женщины моментально собрались у окна. Нина, осторожно выглянув из-за спин сослуживиц, увидела, что Тарасов, стоя к ним лицом, с очень решительным, как на своих портретах видом, говорит по мобильному телефону.

– Точно! Настоящий Тарасов! – Фаина метнулась к столу, вытащила из-под стекла календарь с его портретом и приложила для сравнения к стеклу оконному. – Вылитый! Нинка! Где ты его оторвала? Ой! А курточка-то у тебя какая! А под ней и платье какое-то новое! Класс!! Только не говори, что все это тебе подарил Тарасов!!

– Конечно, не он, – сказала Нина и не соврала, потому что платье было подруги, и куртку наверняка покупала Светка, а не Михаил Иннокентьевич. Утром она ее прямо-таки навязала Нине взамен испачканного плаща.

– Неужели вы не видите, что Нина Николаевна прикалывается! – с полным сухого печенья ртом заявил Лактионов. – Наверняка она голосовала, и он ее просто подвез.

– Вы, Виктор Иваныч, когда-нибудь видели, чтобы в метро голосовали? – как можно ядовитее улыбнулась ему Нина.

– Ах да, вы же на метро ездите! – не менее ядовито улыбнулся в ответ и Лактионов. – Запомню, понимаешь! Ну, тогда у меня есть другая версия: вы выходите из метро и бросаетесь под эту тачку специально, чтобы нас уесть!

– Знаете, Виктор, вы не стоите таких жертв с моей стороны! Ведь если бы я чуток промахнулась при бросании, вы не чай сейчас пили бы, а собирали бы мне на веноч. И я представляю, какую дрянь вы мне купили бы, если бы вам это поручили!

– Нинка! Да не слушай ты его! Он же специально! Расскажи, какой он, Тарасов?

– Если честно, то на самом деле он – женщина! – все еще улыбаясь, сказала почти чистую правду Нина.

– Ну, не хочешь, можешь и не говорить! – обиделась Фаина.

Нина еще раздумывала, что есть правда, а что нет, когда в лабораторию вошли их сослуживица Валентина и начальник Сергей Игоревич. Фаина тут же раздумала обижаться.

– Вы представляете, Нину Николаевну сейчас на работу сам Тарасов привез! – торжественно объявила им она.

– Из финотдела, что ли? – вяло спросил начальник. – А вы не догадались, Нина, спросить его про акты?

– Какие еще акты, Сергей Игоревич! Это ж не тот Тарасов! Это же совсем другой Тарасов! – Фаина лучилась счастьем так, будто сама приехала на «Хонде». – Это же «Вега»!

– Что за Вега? – продолжал ничего не понимать начальник, зато Валентина сразу сообщила и тут же процитировала дурацкий слоган, растиражированный рекламными плакатами тарасовских магазинов:

**В «ВЕГЕ» ПРИКУПИВ ДАРОВ,
БУДЕШЬ ВЕСЕЛ И ЗДОРОВ!**

Неужели этот Тарасов?

– Этот! Этот! – восхитилась еще раз Фаина.

– Как вы, Нина Николаевна, такая утонченная женщина, – опять встрял в разговор Лактионов, – смогли сесть в «Хонду» человека, который пишет на витринах своих магазинов подобную галиматью про «прикупив даров»?

– Но я же могу выносить, каким ужасным языком вы, Виктор Иванович, пишете свои исследования, – не осталась в долгу Нина.

– Я на витринах свои исследования не вывешиваю. А люди с техническим складом ума меня вполне понимают! – не сдавался Лактионов.

– Нина, я который раз тебе говорю, не связывайся с ним! – вмешалась в их перепалку Фаина, совершенно забыв уже замечание Нины, что Тарасов – женщина. – Расскажи все-таки, как ты с ним познакомилась!

Нина вкратце и очень честно рассказала, как было дело, но не потому, что страдала отсутствием фантазии, а потому что на вранье пару раз крупно попала и перестала лгать раз и навсегда. Прочувствовав на собственном опыте, что лучше о чем-то умолчать, чем соврать, Нина так теперь делала всегда. Она умолчала о том, что все дела в «Веге» ведет Светка и, конечно же, о ее нескромном ей предложении, а все остальное: и роскошное жилище Тарасовых с потрясающей винтовой лестницей и паукообразной купальщицей, и чудесный ужин, и потрясающую ванную – все это добросовестно описала, сделав обществу приятное.

– Значит, у тебя, Нина, теперь «лапа» в «Веге», – подытожила разговор Валентина. – Это хорошо! Ты не забыла, что у нас как раз юбилей лаборатории намечается. Может, нам продадут продукты оптом со скидкой?

– Какая ты, Валентина, меркантильная! – покачала головой Фаина.

– Посмотрим, Валя, как наши отношения будут дальше развиваться. Все-таки мы со Светланой двадцать лет не виделись, – отозвалась Нина, мельком глянула на по-прежнему сладко улыбающуюся Галину Андреевну, надела белый халат, взяла коробочку с образцами, рабочий журнал и пошла в другую комнату, называемую приборной. Конечно, Галина сейчас скажет какую-нибудь гадость. Она и так уже держалась из последних сил. Интересно, к чему присосется? Наверняка выдвинет предположение, что Нина теперь станет кланяться у Тарасовых продукты по дешевке. О том, что Нина чуть не отдалась спьяну Михаилу Иннокентьевичу, она, конечно, додуматься не сможет. Хотя... у нее такая буйная фантазия... Нина фыркнула, набрала на дверях код и вошла в помещение с приборами. За одним из компьютеров уже сидел Юра Морозов и заносил какие-то данные в свои бесконечные таблицы. Нина поздоровалась и порадовалась тому, что Морозов ничего не знает про Тарасова, а значит, не будет отвлекать ее от работы. Она включила электронный микроскоп, вставила в держатель образец и нажала кнопку вакуумной откачки. Микроскоп зачавкал и зашипел, выгоняя из шлюзовой камеры воздух. Нине нравились эти звуки, к которым она привыкла за пятнадцать лет работы на одном месте. И как по легкому откашливанию Ляльки она уже знала, что та непременно заболеет, так и по едва уловимому изменению звуков микроскопа она всегда знала, что лучше его отключить и позвать на помощь электронщиков из соседней лаборатории, иначе он по преклонности своего возраста очень скоро и надолго выйдет из строя. Сегодня звуки прибора не предвещали никаких сюрпризов с его стороны. Нина задвинула образец в колонну, включила высокое напряжение, телевизионку, выбрала увеличение и начала изучать образец.

Ведущий инженер Виктор Лактионов был раздражен. Галина за спиной Нины опять сочиняла басни и небылицы, и никто не мог ее остановить: ни Фаина с Валентиной, ни он с Сергеем Игоревичем. Особенно Виктор злился, конечно, на себя. Нина ему нравилась, но встать на ее защиту и оборвать Галину он никогда не мог. Галина Андреевна Голощекина была ужасом их лаборатории. Во-первых, она была хорошим работником, и ее ценили как специалиста, во-вторых, она являлась женой одного из заместителей директора «Петростали». В этом, конечно, ничего ужасного не было, но на такой почве Галина вырастила свои собственные, ужасные

свойства личности. Она была самой жуткой сплетницей, какие только могут существовать в природе. Все свои сказания она начинала так: «Я, конечно, человек добродушный, но...» А дальше в высокохудожественной форме шло изложение того, что ей в данный момент пришло в голову. Галина Андреевна говорила горячо, увлеченно, купаясь в своих вымыслах, возносясь вверх на собственной фантазии и не терзаясь никакими угрызениями совести. Она была художником сплетни, мастером возведения напраслины и поэтом наговора. Она сама восторгалась своими такими редкими творческими способностями, холила их, лелеяла и не давала им потускнеть от времени. Она без конца говорила и говорила, подобно радио, которое стоит так высоко на шкафу, что его невозможно отключить. Сотрудники уходили на прибор, возвращались в комнату обработки результатов, а Галина Андреевна продолжала свой бесконечный монолог, мешая людям работать, меняя только персонажей своих бесконечных историй. Ими, этими персонажами, как правило, становились те, которые в данный момент сидели в приборной за микроскопом и анализатором. Галина Андреевна тут же припоминала все низменные инстинкты отсутствующих и все их прегрешения перед ней и обществом за последние пятнадцать лет. Она не боялась повторений, а даже любила их, потому что они позволяли ей вплести в свое повествование что-нибудь новенькое, только что счастливо пришедшее в голову. Часто она даже не утруждала себя тем, чтобы состыковать вновь придуманный штрих с рассказанным ранее, – стоит ли обращать внимание на такие мелочи? Затишье и всеобщее облегчение наступало только тогда, когда подходила очередь Галины садиться за прибор, а потом обрабатывать результаты исследований. Работать она любила и отдавалась делу своей жизни душой и телом.

Сейчас за микроскопом работала Нина, а анализатор должен был занять Виктор. Галина Андреевна, как всем известный мультяшный Пятачок, была совершенно свободна и заливалась по этой причине соловьем. К собственному неудовольствию и раздражению, ведущий инженер Лактионов признавал, что слушать Галину было очень увлекательно. И как все порочное, сплетня была заразительна. Он не раз замечал, что сотрудники все чаще и чаще обсуждали с Голощекиной то, чего касаться не имели права. А великий зачин «Я, конечно, человек добродушный...» иногда слетал даже с губ порядочной и доброй Валентины.

Сейчас Галина ненавязчиво прошла на предмет того, что Нина наверняка пустила слезу у своей богатенькой подруги, и теперь («вот попомните мое слово!») заживет за пазухой «Веги» припеваючи.

– С чего вы это взяли, Галина Андреевна? – все же заставил себя вступить за Нину Виктор.

– Это только так, Витенька, предположения, – проворковала Галина Андреевна, – но, уверяю вас, мой жизненный опыт позволяет мне утверждать, что они не лишены основания.

Виктор нервно покачался на стуле, но так и не придумал, что бы такое еще сказать Галине. Он раздраженно снял свитер, бросил его прямо на стол, на свое обруганное Ниной исследование, тоже надел белый халат и пошел на микроанализатор. Конечно, Голощекина сейчас что-нибудь выдаст женщинам и про него. Например, скажет, что он влюблен в Нину. А он совсем и не влюблен... Правда, она ему нравится, но это вовсе не означает, что он в нее влюблен.

В комнате с приборами он первым делом, естественно, увидел Нину. Она переводила изображение с микроскопа на компьютер и, как всегда за работой, не замечала ничего и никого вокруг. Виктор сел на крутящийся стул внутри анализатора и стал смотреть на нее из-за спектрометров. Она в своем снежно-белом халате была похожа на врача. Тоненькой, с длинными светлыми волосами, небрежно скрученными на затылке и заколотыми крупной деревянной заколкой, ей ни за что не дашь сорока, особенно здесь, в комнате с затемнением. Виктор вдруг вспомнил этого «Прикупив даров» со своей «Хондой» и раздражился почти так же, как при разговоре с Галиной. Что-то не нравится ему эта история со старой школьной подружкой и ее знаменитым мужем. Конечно, что он, Виктор Лактионов, скромный инженер экспертизой

лаборатории разваливающегося завода, может предложить такой женщине, как Нина? «Прикупив даров» месячную зарплату местного ведущего инженера небось за один вечер проедает за ужином! А что у Виктора на ужин? Картошка или гречневая каша с докторской колбасой. А что будет, если завод окончательно рухнет? У него, Виктора, нет никакой другой специальности. Он ничего другого, кроме как делать рентгеновский микроанализ, не умеет. Он виртуозно владеет своим древним прибором, он может делать на нем такое, чего наверняка больше никто в России не умеет, но кому это будет нужно? Это и сейчас-то мало кому надо! А если все полетит к чертям, что он тогда сможет предложить Нине? А если все-таки поторопиться? Ну... да, да, да!! Он в нее влюблен! Пусть это будет называться так! Какая, собственно, разница? Да, ему сорок два. Да, он никогда не был женат. Все знакомые женщины давно махнули на него рукой и даже не воспринимают как мужчину. Он всегда был этому рад, потому что безбрачие давало ему свободу. Вот взять, к примеру, Сергея Игоревича. Когда он был женат, его жена десять раз на дню звонила ему на мобильник по всяким пустякам. Или посмотреть на Морозова. Две жены его ухайдакали так, что лишь кожа да кости остались, так нет – третий раз женился! А как только придут из соседней лаборатории звать его к городскому телефону, так он сразу кричит: «Скажите ей, что меня не нашли!» И что за радость: жениться-разводиться! Лучше уж и не жениться, как он. Честнее. Он и Нине ничего такого не намерен предлагать. Да ей, похоже, и не надо. Замужем была, о бывшем муже и замужестве говорить не любит. Он про другое думает... Про ее волосы... Они у нее такие тяжелые, что заколки и шпильки часто не выдерживают, и густое золото льется по плечам. Виктору иногда снится, как по Нининым плечам рассыпаются волосы, а он пытается их собрать руками, но они снова выскользывают, а Нина смеется...

– Виктор Иванович! Не соблаговолите ли подойти ко мне? – услышал он ее голос и выглянул из-за прибора. Нина, поймав его взгляд, продолжила: – Посмотрите на неметаллические включения. Хорошо бы сделать анализ.

Виктор подошел к микроскопу и взглянул на телеэкран. Он тут же понял, что Нина имела в виду, но специально, нагнувшись, долго разглядывал изображение, чтобы насладиться тонким запахом женских волос.

– Сделайте, пожалуйста, побольше увеличение, – попросил он, хотя и так уже видел, что это нитриды титана. Нина, конечно, тоже их узнала по характерному, так называемому городскому рельефу, но доказательства в виде химического анализа заказчику все равно нужно было предоставить.

Ведущий инженер Лактионов еще ниже опустил голову, почти касаясь своей щекой ее щеки, а Нина резко повернула лицо к тумблеру перемены увеличений. Заколочка, как много раз уже бывало, расстегнулась, и Виктора захлестнул водопад ее светлых волос. Так повезло Лактионову впервые. Это было даже лучше, чем во сне. Он замер от восхищения пополам с умилением и готов был вдыхать аромат Нининых волос до второго пришествия, но она обеими руками быстро собрала их в узел, пробормотав: «Витенька, прости». Тот, кого она впервые назвала на «ты», да еще и Витенькой, превратился практически в обездвиженный соляной столп. Ему бы нагнуться под стол микроскопа за заколкой, но он не в силах был даже пошевелиться, что его и погубило в очередной раз. Нина, самолично достав свою заколку, быстренько перестроила лицо из растерянного и сконфуженного в ироничное, каким оно обыкновенно у нее и бывало, когда она общалась с инженером Лактионовым.

– Вы свободны, Виктор Иванович. Не смею задерживать вас дольше, – сказала она и занялась обработкой компьютерного изображения.

Огорченный, инженер Лактионов поплелся за анализатор. Вот так всегда! Вечно он не успеет, опоздает, не догадается. То у него почему-то вдруг возьмет да и захлопнется перед Нининым носом дверь, то он усядется за праздничный стол на место Нины, то не передаст ей хлеб, то забудет дать подписать исследование, то прямо на ее глазах возьмет из коробочки

последнюю дискету. Она, наверно, думает, что он это делает специально, поскольку у них давно выработался стиль общения, построенный исключительно на иронии, колкостях и насмешках. Когда и почему так повелось, теперь уже и вспомнить-то невозможно. Ей наверняка кажется, что он изощряется в остроумии, а он просто защищается от нее, потому что если не острить, то хоть совсем помирай. Он плавится под ее взглядом. С остальными женщинами все почему-то получается как надо, а с Ниной... Хотя... какое уж тут «как надо», если он столько лет живет один. Конечно, у него бывали женщины, не без этого... Он нормальный мужик, хотя некоторые, вроде Голощекиной, в этом вслух сомневаются. Нужно сказать, что перед Галиной Андреевной ведущий инженер Лактионов тоже вечно выглядит невоспитанным. Она при каждом удобном и неудобном случае вспоминает, как он не подал ей руку, когда они выходили из автобуса, как он вперед нее зашел в кабинет к окулисту на медосмотре и как не взял у нее из рук кувшин с водой для поливки цветов, когда столкнулся с ней в коридоре. Тоже нашлась девушка с кувшином! Однажды он снимал свитер не на виду у всех, как делает всегда, а за шкафом, потому что на нем была слишком короткая рубашка, которая все время вылезала из брюк. А Голощекина думала, что он вышел куда-то в коридор, и оторвалась на его счет по полной программе. Виктор тогда многое узнал о себе от начитанной сотрудницы. Выяснилось, что она, оказывается, все время называла и называет его Буратино без Мальвины и даже без Пьеро с Артемоном, которые все же могли бы его научить хоть сколько-нибудь прилично себя вести. Потом она сказала, что последнее время ведущий инженер Лактионов проявляет себя уже самым что ни на есть запущенным Гекльберри Финном, поскольку каждый день забывает пропускать ее в дверь впереди себя. Конечно, ни одна нормальная женщина такой вопиющей невоспитанности вынести долго не может, и именно поэтому он такой заскорюзлый холостяк, что с ним будет продолжаться и далее. После этого ей вдруг взбренило заподозрить у него нетрадиционную сексуальную ориентацию, во что она тут же и уверовала и даже сочла необходимым его пожалеть. И хотя Виктор мог бы немедленно выйти из-за шкафа и встать перед Голощекиной неммым укором, он не сделал этого. Более того, он дождался момента, когда абсолютно все покинут лабораторию, и только тогда вышел из-за шкафа, совершенно нетрадиционно ориентированным и с полностью вылезшей из-под ремня рубашкой. Наверно, все дело в том, что он, Виктор, их боится: и Нину, и Голощекину. У Голощекиной – темперамент, под которым он, мужчина и ведущий инженер, гнется, как сухая былинка, а Нина... Эх! Да что там говорить! Про Нину все и так ясно!

Виктор вздохнул, вставил образец в колонну анализатора и включил высокое напряжение. Через пять минут ему пришлось его выключить, поскольку в приборную заглянул Сергей Игоревич и велел всем сотрудникам собраться на экстренное совещание в комнате обработки результатов.

Судя по тому, как начальник безжалостно щипал свою холеную шкиперскую бородку, всем стало ясно, что разговор сейчас пойдет о чем-то весьма неприятном. Галина Андреевна Голощекина смело обвела сотрудников непорочным взглядом, потому что точно знала: упрекнуть ее абсолютно не в чем, поскольку не нашелся еще тот, кто посягнет... Валентина угрюмо опустила глаза в стол, лицо Юры Морозова приобрело нарочито легкомысленное пофигистское выражение, а Фаина на всякий случай испугалась так, что для успокоения поставила прямо перед собой пузырек валокордина. Нина с Виктором переглянулись и чуть ли не подмигнули друг другу, потому что подумали, что речь пойдет об исследовании образцов от опытного слитка, которое они оба отказывались подписывать. Начальство прибавило в нем пару абзацев от себя, и они, эти абзацы, являлись данью внутренней политике дышащего на ладан завода и не имели никакого отношения к науке, каковую Нина с Лактионовым очень дружно собирались защищать до победного конца, все равно чьего: своего или заводского.

– Конечно, для вас не явится новостью то, что я сейчас скажу, – сухо начал Сергей Игоревич, ни на кого не глядя, – поэтому, в сущности, все должны быть к этому более или менее готовы.

Фаина трясущимися руками отвинтила крышечку с пузырька, сладко-медицинский запах приступил к немедленному заполнению пространства лаборатории, а начальник еще суше, и еще более демонстративно ни на кого не глядя, продолжил:

– К концу этого месяца мы должны назвать начальству фамилию человека, который подлежит сокращению.

Фаина вздрогнула, пролила валокордин на стол и голосом, дрожащим не менее, чем руки, с трудом произнесла:

– Если вы думаете, что я соглашусь сама, так... ни за что... Вплоть до суда... профсоюза... и...

– С чего вы, Фаина Петровна, решили, что речь идет о вас? – поморщившись, ответил ей Сергей Игоревич. – Мы все в одинаковом положении!

– Ну уж вас-то никто не тронет, – Голощекина пропела эту фразу такой сладкозвучной сиреной, которой ввиду ее убийственного голоса ничто не страшно, так же, как и Сергею Игоревичу по причине его начальственного положения.

– А ты, Фаинка, забудь про свой профсоюз, потому что мы давно уже функционируем не в СССР, а в оголтелом капитализме! – усмехнулся Юра Морозов.

– Вот! Пожалуйста! Видите! – Фаина показала тонким пальчиком на Морозова. – Юрка просто уверен, что вынесут именно меня!

– Дура, – лениво отозвался Юра и раскрошил в руках дискету 2HD «Мемогех» с собственными двухмесячными расчетами.

– А вы, Сергей Игоревич, кого сами-то планируете убрать? – мрачно спросила Валентина, не отрывая взгляда от стола.

– Никого я не планирую! – взвился начальник и, как старик Хоттабыч, выдернул из своей бороды несколько волосков.

– Трах-тибидох-тибидох! – очень серьезно сказал за него Морозов.

Нина фыркнула, а Фаина пронзительно заверещала:

– Нет! Вы посмотрите! Он еще может шутить! Конечно, на женщинах выедут, как всегда! Мужикам везде у нас дорога!

– Фаина Петровна, возьмите себя в руки! – возмущенным до фальцета голосом заявил Сергей Игоревич. – Мы должны решить, что нам делать, и нечего тянуть одеяло на себя! Вы – не лучше других!

– Вы, конечно, намекаете, что я хуже?! – не могла никак успокоиться Фаина.

Валентина молча встала со своего места, налила в стакан воды из чайника, накапала туда из Фаинового пузырька пятнадцать капель и поставила его перед носом идущей вразнос сотрудницы. Хорошо воспитанная, в отличие от инженера Лактионова, Фаина пробормотала: «Спасибо», вместо стакана поднесла ко рту пузырек, глотнула остатки валокордина прямо из него и стала похожа на рыбу, только что вытасченную из воды. Задыхаясь и беззвучно махая руками, она явно просила, чтобы ее срочно бросили обратно в море.

– Черт знает, что такое! – в сердцах крикнул начальник, а Юра достал приготовленный на обед бутерброд с вареной колбасой и сунул его в рот Фаине.

Фаина усиленно задвигала челюстями, благодарно мигая Морозову полными слез глазами. Сотрудники молчали, что называется, думая о своем. Нина, глядя в окно, в которое опять молотил нескончаемыми струями дождь, размышляла о непростых судьбах собравшихся в этой лаборатории людей. Бывшая жена Сергея Игоревича забрала при разводе у него все, что только могла, включая сына, выселила бывшего мужа в самую мрачную «хрущобу» и ежемесячно требовала еще и дополнительного денежного вспомоществования, помимо официаль-

ных алиментов. Юрка Морозов был женат уже третий раз и содержал, таким образом, двух бывших жен и одну нынешнюю, а также их чад. Валентина жила в однокомнатной квартире с шестнадцатилетним сыном и с алкоголиком мужем, с которым не разводилась только потому, что разъезжаться все равно было некуда. Фаинка с Виктором никогда и ни с кем не были связаны узами брака, по крайней мере, официально. У Фаины была пятилетняя дочь неизвестного происхождения, возможно, и от непорочного зачатия, поскольку никто никогда не видел рядом с ней никакого, даже самого завалыщего мужичка. На Нининой шее очень уютно сидела, свесив длинные стройные ноги, студентка Политеха по имени Лялька, двадцати одного года от роду. И только у Галины Андреевны Голощекиной было все: и состоятельный муж, и самостоятельный уже сын, имеющий отдельную квартиру в центре города, и даже репутация самого незаменимого работника лаборатории по причине большого опыта и не менее большой любви к своей профессии. И именно Галина Андреевна, одна из всех, не потеряла в этой ситуации лица и предложила всем открыто или путем тайного голосования высказаться по поводу кандидатуры на заклание. Зная фантазийные наклонности Голощекиной, Сергей Игоревич сразу же отменил открытое обсуждение и предложил всем тайное голосование.

– Если хотите, то можете напечатать свое мнение на компьютере, чтобы никто не мог по почерку догадаться, кто что написал, – виновато заглядывая сотрудникам в глаза, сказал начальник, все более утверждаясь во мнении, что тайное голосование – это как раз то, что надо. Если народ выступит против кого-то большинством голосов, то ему не придется показывать на несчастного пальцем и говорить ему сакраментальное: «Вы!»

Пока народ раздумывал об этичности данного мероприятия, Юра Морозов, отягощенный самым большим количеством стоящих за спиной «с ложкой», пошел к компьютеру. За ним следом очень смело сделала свой выбор Галина Андреевна. Затем, как бы нехотя, к компьютеру потянулись остальные с самыми что ни на есть благородными лицами.

Результат всеобщего тайного голосования очень удивил Галину Андреевну Голощекину, ибо они все-таки посягнули... Пять голосов из семи были против нее и два – против Нины. Галина Андреевна покрылась ядовито-малиновым гневным румянцем и строго сказала:

– Это провокация и ужаснейшая несправедливость!

– Когда надо кого-то вынести, то речь о справедливости вообще не идет, – ответил ей независимый Юра Морозов.

– Я знаю, Юрий Владимирович, что вы всегда меня не любили, поскольку совершенно не разбираетесь во фрактографии.¹ Одного знания рентгеновского микроанализа для нашей лаборатории недостаточно! – тут же отбрила его Голощекина. – Я считаю, что сократить можно как раз вас, потому что на анализаторе Виктор Иваныч отлично справится и один.

– Ай-ай-ай! Как быстро вы меняете свое мнение в зависимости от обстоятельств! – усмехнулся Морозов.

– Ничего я не меняю! Я всегда считала, что вы – лишний человек в нашем коллективе! – И Галина Андреевна в очередной раз подивилась собственной смелости и принципиальности. Конечно, она не размазала Валентина! Она всегда режет правду-матку в глаза, когда этого требуют интересы дела! А от Морозова и в самом деле никакого прока. Подумаешь – математик, программист! Сто лет жили без программистов и дальше проживем в лучшем виде. Тем более что и заступиться за него некому. Он пару раз был отловлен в проходной в нетрезвом состоянии и работает тут до следующего подобного случая. А если будет выступать, подобный случай ему очень легко организовать.

– Почему же вы не написали мою фамилию? – прервал приятные размышления Голощекиной Юра. – Против меня, между прочим, не было ни одного голоса!

¹ Фрактография – наука, изучающая изломы металлов

Галина Андреевна подавилась следующими справедливыми словами, которые уже почти подготовила в своем сознании. Действительно... Она его фамилию не написала. Она написала фамилию Нины, потому что, если уж устранять с дороги конкурентов, то не Морозова. Чем он ей мешает? Да ничем. Пусть спокойно пишет свои программы! Настоящей конкуренткой Галине является лишь Муромцева. Вообще-то Галина Андреевна считала себя вне конкуренции и написала про Нину так только... на всякий случай... И вот вам, бабушка, и Юрьев день!

Сергей Игоревич сидел ни жив ни мертв. Сказать Голощекиной, что он одобряет выбор коллектива, было выше его сил. Остальные сотрудники тоже помалкивали, понимая, как после голосования неожиданно осложнилось, вместо того, чтобы облегчиться, положение несчастного начальника лаборатории фрактографии и рентгеновского микроанализа.

Нина ехала домой в метро в модной Светкиной куртке и мучительно размышляла над тем, кто, кроме Галины, мог написать ее фамилию. В Голощекиной она не сомневалась. Та и должна была выступить против нее. Лишь они вдвоем одинаково хорошо владеют обоими методами и могут виртуозно работать на двух приборах. Только они по очереди садятся за анализатор, когда Виктор в отпуске. Обе они отлично фотографируют и по старинке: на фото-пленку, и с помощью компьютера. Фаина смертельно боится анализатора, который со своими многокнопочными шкафами похож на пульт управления космическим кораблем. Она работает на нем лишь тогда, когда начальник вдруг на нее рассердится и начинает упрекать, что стыдно, дескать, за пятнадцать лет так и не освоить пустяковый прибор. Фаина в такие моменты всегда очень гордо отрывается от компьютера с лицом, на котором явственно читается: «Хорошо, я сяду за ваш поганый анализатор и посмотрю оттуда, как вы без меня составите ведомости и протоколы». Через пять минут она уже мигала Нине, чтобы та помогла ей запустить программу, а Сергей Игоревич, окончательно заблудившись в графах и колонках очередной ведомости, еще раз убеждался, что расстановка сил в его лаборатории правильная и не стоит ее менять в угоду собственному плохому настроению. Фаина возвращалась к компьютеру, а Нина завершала начатое ею на анализаторе.

Что касается Валентины, то с анализатором она справляется не хуже других, но совершенно не может снимать на фотопленку. Она у нее все время путается и рвется, а уж фотографии получаются – хуже некуда. Конечно, на пленку они сейчас снимают редко, но все-таки хотя бы в этом преимущество у Нины перед Валентиной есть.

Исходя из всего этого, ни Валентине, ни Фаине нет смысла пытаться избавиться от Нины. Во-первых, за столько лет совместной работы они превратились в ее подруг. Во-вторых, в отсутствие Нины Фаине придется осваивать анализатор, чего она категорически не хочет, а Валентине в случаях, когда нужны особенно качественные фотографии, придется униженно просить о помощи Голощекину, которая, конечно, поможет, но потом изведет ее гнусными намеками на профнепригодность...

С Галиной же Нина почти на равных. У той в силу возраста, конечно, побольше опыта, но у Нины достаточно энергии, чтобы соответствовать занимаемой должности.

Так кто же? Кто написал ее фамилию? Неужели все-таки Витька? Вот гад! До чего же надоело с ним бороться столько лет! Каждый день он выплескивает на нее столько яда и сарказма, что остается только удивляться, зачем ему это надо. Витьке она никакая не конкурентка. Лишь ведущий инженер Лактионов может заставить работать престарелый анализатор, когда он вдруг заартачится. Только он знает, куда пнуть ногой, где прижать локтем и какой тумблер нужно покрутить в противном инструкции направлении, чтобы прибор работал исправно. Если убрать Лактионова, то анализатор через день даст дуба, и лаборатория прекратит свое существование как таковая. И потом... хотя они без конца и ругаются, но работается им в тандеме неплохо. Они в институте учились по разным специальностям, которые, как оказалось, очень удачно дополняют друг друга. Нет, Виктор не мог... Тогда кто? Юрка? Но он, как великий

математик, тоже вне конкуренции. Что ему за дело до Нины? Неужели Сергей? Точно! Гражданин начальник! Он Галину боится. Во-первых, потому что не дотягивает до нее как специалист и знает об этом, а во-вторых, вульгарно трясется перед ее всемогущим мужем. Что ж... Понять его можно. В конце концов, и его могут задвинуть. Лаборатория без него копыта не отбросит, это уж точно. Но почему он написал именно ее фамилию? Неужели так и не может простить? Но это же, что называется, не по-мужски...

Нина тряхнула головой, чтобы отогнать мысли о работе, и пожалела, что у нее нет с собой книги. Как это сегодня Лактионов ее поддел: «Вы такая утонченная женщина...» Знал бы он, какие книги она читает! Самую розовую слюнявую лабуду! Плюнуть, растереть и заплакать! Интересно, как там вчера Лялька без нее? Нашла ли тушенку или так и просидела весь вечер на булке с маслом? Сегодня она везет ей кучу умопомрачительных баночек, коробочек и прочих упаковок, которыми нагрузили ее Тарасовы. Что ж! Сегодня они с дочкой устроят пир! Надо только купить картошки, потому что с маринованными грибочками, да с патиссончиками, да с балычком – самое то! Может, не жаться и купить в «Веге» любимую Светкину «Царицу Тамару»? Точно! Она ее купит, сразу спрячет в кладовке у входной двери, а когда Лялька отчалит на вечерний моцион, она и примет на грудь для успокоения души.

В «Веге» оказалось неожиданно много народа. Нина протолкалась к овощному отделу и замерла. Как раз напротив пакетов с картошкой Михаил Иннокентьевич Тарасов открывал новый отдел полуфабрикатов. Он, видимо, как раз закончил говорить речь, сунул кому-то микрофон и глазами показал помощникам, что неплохо было бы им расчистить ему дорогу к выходу. Два рослых широкоплечих парня мгновенно проложили просеку меж жаждущих полуфабрикатов людских тел. Михаил Иннокентьевич шагнул вперед и встретился взглядом с Ниной. Она мгновенно опустила глаза долу и спряталась за спину толстой тетке, только что нагло втершейся в очередь прямо перед ней, которой Нина как раз намеревалась высказать все, что она по этому поводу думает. Несмотря на объемность и могучесть, теткина спина оказалась ненадежным убежищем. Тарасов Нину отыскал, за руку вытащил из очереди и так за руку и повел за собой из магазина. Нина не удержалась, чтобы не обернуться к тетке и не посмотреть на нее с превосходством особы королевских кровей. Тетка, похоже, вошла в полный ступор, и на лице ее явственно читалось что-то вроде «делайте со мной, что хотите, только из очереди не выгоняйте!». Нина очень снисходительно ей улыбнулась.

– Ниночка! Вам нужны овощи? – весело спросил ее Тарасов уже на улице.

– Ну... вообще-то... да... – промямлила Нина и закончила уже совсем, как нищий на паперти: – Картошки бы...

– Николай! – Михаил Иннокентьевич обернулся к одному из широкоплечих. – Принеси два пакета картофеля, салатный набор... ну и еще... сам знаешь...

Широкоплечий кивнул и скрылся в магазине, а Нина жалела, что не попросила заодно и «Царицы Тамары».

– Садитесь, – Тарасов открыл дверь дорогой машины цвета черного жемчуга с зеленоватым отливом.

– Нет-нет-нет! Не надо! Я совсем рядом живу! Как раз во дворе магазина... – зачастила Нина.

– Я подвезу вас к подъезду! Не потащите же вы все в руках! – улыбался Тарасов и гладил Нину своими коричневыми бархатными глазами.

Нина посмотрела на свои руки, уже занятые пакетами с продовольственными подарками четы Тарасовых, и ей вдруг стало так стыдно, что она покраснела до слез. Побирושка в чужой куртке, с чужими мешками, у чужой машины! Стоять бы лучше в очереди за теткой спиной и помалкивать в тряпочку на предмет того, кто и куда без спросу влез.

– Садитесь! – повторил Тарасов.

Нина послушно села, торопливо смахнув рукой успевшую выскочить на щеку слезинку.

Широкоплечего не пришлось долго ждать. Минут через пять он поместил на заднее сиденье два огромных фирменных пакета «Веги», а еще через две минуты машина уже тормозила у Нининого подъезда.

Как всегда, с трудом, Нина выбралась из недр машины. Тарасов вышел следом, вытащил свои фирменные пакеты и, закрыв машину, пошел с ними к подъезду. Нина обреченно поплелась следом. Три бабульки, вечно коротающие время под козырьком подъезда, только что не пали ниц перед известным всему городу Михаилом Иннокентьевичем. Самая стервозная и боевая из них, Лидия Тимофеевна, даже заботливо крикнула вслед Нине с Тарасовым внутрь подъезда:

– Ниночка! Осторожнее в лифте! Там какая-то дрянь наплевала и по стене размазала!

В лифте ехали молча. Тарасов улыбался, а Нина краснела, как маков цвет, будто ей было всего двадцать один год, как Ляльке. Поскольку обе руки у Нины были заняты, она плечом надавила на кнопку звонка у своей двери.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась Лялька в микроскопических трусах и в не менее выразительном лифчике. Увидев Тарасова, она даже не подумала взвизгнуть и прикрыть срам, как это сделала бы Нина в ее возрасте. Она всего лишь отошла в глубь квартиры, сказав: «Проходите!», и включила свет в прихожей, чтобы ее было видно еще лучше.

– Ляля! Сколько раз я тебя просила одеваться перед тем, как открываешь дверь! – рявкнула Нина.

– Я не успе-е-ела... – томно протянула Лялька, явно и не собираясь ничего успевать.

Нина сунула ей в руки оба свои пакета и сквозь зубы злобно прошипела:

– А ну марш на кухню!

Лялька грациозно развернулась и пошла туда, куда ее послали, а Нина тут же горько пожалела об этом. Вид дочери сзади оказался еще более откровенным, чем спереди. Было полное впечатление того, что на ней вообще нет трусов. Не считать же за таковые пару тоненьких, переплетенных между собой тесемочек. Разумеется, Тарасов, как под гипнозом, пошел вслед за Лялькой. За ними отправилась Нина, твердо решив стоять до победного конца за честь и достоинство родной дочери.

Тарасов поставил на стол пакеты и повернулся к девушке.

– Вас, кажется, зовут Лялей? Я не ослышался? – спросил он.

– Не оши-и-иблись, – тоном проститутки ответила Лялька.

Нина хотела сказать, что совершенно не имеет значения, как ее зовут, но Тарасов снова спросил, и нечто совершенно неожиданное:

– А вы, Ляля, картошку варить умеете?

Лялька вскинула тоненькие бархатные бровки и сказала уже тоном дворовой девки:

– А то!

– Замечательно! – обрадовался за нее Михаил Иннокентьевич. – Значит, вы себя сегодня вполне сможете прокормить самостоятельно, учитывая, что в этих пакетах полно всего, что самым замечательным образом сочетается с отварной картошечкой. А мы с вашей мамой, с вашего позволения, поужинаем в ресторане! Одевайтесь, Ниночка!

– Пойдем, ты мне поможешь, – сказала Нина дочери, потому что не могла оставить ее наедине с Тарасовым практически без трусов.

– И чего ты мне врала, что звонила не с мужского мобильного? Я ведь сразу просекла! – сказала Лялька, плюхаясь на диван возле шкафа.

– Я не врала, – отмахнулась Нина, потому что недра распахнутого шкафа вызвали у нее острый приступ меланхолии. – Может, не ходить никуда, а, Лялька?

– С ума сошла! – Дочь вспорхнула с дивана и начала рыться в шкафу. – Да если ты не пойдешь, я сама пойду! Такой мужичара! Как в кино! Слушай, где ты его подцепила? Почему-то его лицо мне кажется знакомым. Вот гляди! – она вытащила на свет черное трикотажное

платье с атласным воротником-хомутиком. – Если к нему надеть ту цепочку с агатами, то будет ничего.

– Да оно испачкано на самом видном месте!

– Где?

Нина ткнула пальцем в безобразное рыжее пятно прямо под воротником.

– Да-а-а... – разочарованно протянула Лялька. – Вспомнила... Мы его уже пытались отстирывать... Кстати, мать, руки у тебя тоже того... ты уж прости, но не для ресторана.

– А для чего? – Нина испуганно посмотрела на свои руки с запущенными ногтями и давно не стриженными лунками.

– Ну... не знаю... Например, для того, чтобы забивать сваи... или доить коров...

– Ну вот... – чуть не расплакалась Нина. – Я же говорю, что не надо никуда идти.

Она села на диван, обреченно сложив на коленях руки, годные только для вечерней дойки, а никак не для ужина в ресторане.

– Ты мне так и не ответила. – Лялька пристроилась рядом с Ниной и прижалась к ней молодым беструсым бедром. – Почему мне кажется, что я его где-то видела? Он случайно не на телевидении работает? Я прямо-таки представляю его на экране!

– Возможно, что ты его и видела на экране... – Нина по-прежнему с трудом сдерживала горькие слезы разочарования. Ей абсолютно не в чем пойти в ресторан. Но даже если у соседки Таньки выклянчить на один вечер лиловое шифоновое платье, то такими руками, как у нее, все равно стыдно будет держать фужер... или нож... или еще что-нибудь...

– Я так и думала! Он какой-нибудь ведущий, да? Напомни-ка мне его программу!

– Он не ведущий. Он Тарасов.

– Это который... на спортивном канале?

– Нет. Он владелец магазинов «Вега».

– Не может бы-ы-ыть... – Лялька выглядела не просто удивленной, а испуганной, будто услышала, что новый знакомый матери – принц крови.

Девушка вскочила с дивана, слегка приоткрыла дверь комнаты, взгляделась в глубь образовавшейся щели и прошипела:

– Точно... Тарасов... Михаил... как там дальше?

– Иннокентьевич.

– Ага... Иннокентьевич... Какая душка! – Лялька захлопнула дверь и самым решительным голосом заявила: – Мать! Жди! Я иду в 146-ю квартиру к Татьяне. А ты сейчас же рисуешь себе лицо!

– Лялька! А ногти? – Нина в отчаянии потрясла перед дочерью своими доярочьими руками.

– Ничего! Будешь чаще держать руки под столом или прикрывать их салфеткой! В ресторанах всегда дают салфетки.

– А ты откуда знаешь? – вяло удивилась Нина.

– Ну... я же цивилизованный человек, – ответила девушка, открыла дверь, а Нина душе-раздирающе взвизгнула:

– Лялька! Да оденься же ты наконец!

– Некогда! – бросила ей сосредоточенная на другом дочь и, как была беструсой, выскочила в коридор.

Через несколько минут она явилась с тем самым шифоновым платьем и даже с ниткой каких-то сиреневых камней. Нина в этот момент без энтузиазма красила губы бледно-оранжевой помадой.

– Ну что это за бабский колер! – возмутилась Лялька.

– На что тянем, так и красимся, – усмехнулась Нина.

– Ты, мать, еще вполне молодая и привлекательная женщина. Ну-ка сотри, – она бросила Нине смятый носовой платок, потом вывалила на диван содержимое своей пухлой косметички, выбрала подходящие, по ее мнению, коробочки, тюбики и еще какие-то непонятные штучки и уставилась в лицо матери с видом профессионального визажиста.

Когда Лялька, закончив макияж, поднесла Нине зеркало, та улыбнулась, потому что, в общем-то, себе понравилась. Конечно, лицо уже несколько утратило свои четкие линии и былую идеально-яичную овальность, но все же было еще довольно привлекательным – с золотистыми глазами, аккуратным носом и высоким разлетом бровей. Густые тяжелые волосы всегда украшали Нину. Она расстегнула заклепку. Белокурые пряди рассыпались по плечам. Она еще раз улыбнулась своему отражению, чмокнула дочь в нос, стащила джинсы со свитером и потянулась за Танькиным платьем.

– Мать! Ты что! – Лялька в возмущении отняла у нее лиловый наряд.

– А что? Сама же принесла!

– Ты собираешься надевать Татьянино платье на это? – и она показала пальцем с ухоженным ногтем лопаточкой на Нинин пожелтевший, как осенний лист, бюстгальтер.

– Ну... а что... – проямлила Нина. – Платье же закрытое... никто не увидит...

– Ну ты даешь! А когда вы будете... ну... это самое...

– Ляля! В ресторане «это самое» не делают! – строго сказала Нина и очень покраснела.

– Зато после ресторана делают! – с большим знанием предмета заметила ей дочь, забралась с головой в шкаф и вытащила со своей полки телесного цвета комплект, состоящий из прозрачного бюстгальтера и таких же, как на ней, трусиков под названием «стринги».

– Ни за что! – Нина так рубанула рукой воздух, будто забила бетонную сваю. – Что он обо мне подумает?

– Ага! Значит, ты все-таки предполагаешь, что он увидит твоё бельё! – обрадовалась Лялька. – Ханжа! Лицемерка! Надевай немедленно! – Она бросила свои невесомые тряпочки Нине на руки. – От сердца отрываю! Еще ни разу не надеванное!

Покраснеть еще больше, чем уже покраснела, Нина не могла и потому, скривив на сторону рот, могла только дуть на собственные щеки с целью их охлаждения. Ей казалось, что Лялька – это ее умудренная опытом мать, а она, Нина, зеленая неопытная девчонка.

– Ладно, – согласилась Нина. – Лифчик я надену, так и быть, а это – не могу. – И она бросила на диван то, что Лялька считала трусами.

– Это еще почему?

– Потому что... ну... в общем... эти дурацкие лямки мне будут... тереть...

– Ничего не будут! Ты посмотри! – и она повернулась к матери практически голой спиной. – Тут ничего не может тереть, потому что, откровенно говоря, и тереть-то совершенно нечему.

– Нет, не надену, – стояла на своем Нина. – Я согласна, что они ужасны, – она показала на свои высокие, до талии, трусы в цветочек, – но все-таки ты подбери что-нибудь поскромнее. Мне в самом деле с непривычки будет очень неудобно в этих тесемочках.

В конце концов мать и дочь нашли компромиссный вариант в виде маленьких трусиков традиционной формы. Потом Лялька дала Нине свои, тоже еще ни разу не надеванные, колготки дымчатого цвета и вытащила из коробки недавно купленные бежевые остроносые босоножки.

– Вот! Попробуй только теперь не соблазнить этого Иннокентьевича! – заявила довольная собой Лялька. – И не вздумай являться ночью домой! Трусы мои отработывай!

– Лялька! Ты слишком цинична! – возмутилась Нина. – Я тебя такой не воспитывала!

– Я сама себя воспитала, потому что совершенно не желаю, как ты, до сорока лет ходить невестребованной. И это, заметь, я еще очень мягко сказала.

– Ляль... А ты это... – испугалась вдруг до дрожи в коленках Нина, – уже того... востребована?

– Знаешь, мать, по-моему, тебя ждут! – быстренько окоротила ее дочь. – А на все интересующие тебя вопросы я могу дать ответы и позже... Согласна?

Что еще, кроме «согласна», могла ответить не востребованная до сорока лет Нина. Лялька была права. После развода с Георгием она была востребована всего-то два раза. Первым, кто ее возжелал, стал бывший одноклассник, с которым они неожиданно встретились в магазине хозяйственных товаров, куда она зашла просто так, от скуки, а он покупал себе там небесного цвета кафель. Несколько плиток из комплекта имели тонкие змееобразные трещинки, и бывший Димка Ляховой, а ныне импозантный служащий магазина «Все для автолюбителя» Дмитрий Александрович, просил продавца скостить цену. Продавец не соглашался, утверждая, что такую голубую плитку у них все равно купят за натуральную цену другие, которые не посмотрят на столь малозаметный дефект, как парочка пустяковых трещин. Он предлагал Димке другой товар, но Ляховой уже прикипел душой к небесной голубизне, и продавцу надо было быть совсем дураком, чтобы сбавить цену. Продавец дураком не был и цену не сбавлял.

– Вы можете эти две плитки прилепить где-нибудь внизу, например, под раковиной, – встряла Нина, потому что решила купить коврик в прихожую, а никем не контролируемый плиточный диалог грозил затянуться надолго.

– Вы так думаете? – обернулся к ней Димка, который уже и сам так решил, а потому очень обрадовался, что и остальные рассуждают точно так же. Он тут же отвернулся обратно к своему голубому кафелю, а потом опять повернулся к Нине. – Неужели Нина? – спросил он. Она его тоже узнала именно в этот момент.

А потом была страстная и короткая любовь в пустой Димкиной двухкомнатной квартире, которую он тогда только что выменял на три комнаты в разных районах и отремонтировал, чтобы везти в нее из пригорода жену и маленького сына. В десятом классе Димка с Ниной были слегка влюблены друг в друга и даже целовались на выпускном вечере, а потом как-то потерялись в разных институтах. Уже на первом курсе Нина вышла замуж за Георгия и про Ляхового забыла напрочь. Теперь же детская любовь вспыхнула с нечеловеческой силой. О том, что они две недели не вылезали из постели, сказать было нельзя даже с большим натягом, потому что никакой постели в пустой квартире не имелось. Нина прибежала с работы в эту разоренную халупу, пахнущую краской и сырым цементом, и все свершалось на полу, на старом матрасе, на котором коротал ночи и сам Димка. Нине казалось, что это и есть настоящее счастье, которому они с Ляховым по молодости, глупости и чьему-то недосмотру не дали распусться пышным цветом еще в школе и потому потеряли уйму времени. Она уже примеряла на себя Димкину фамилию; готовила пафосную покаянную речь, которую произнесет перед его несчастной брошенной женой; представляла, как они ежемесячно вместе с Димкой будут посылать подарки его сыну, которому, к сожалению, придется вырасти и состариться в пригороде. Она мысленно расставляла в этой квартире, уже, конечно, без матраса на полу, свою мебель; представляла Ляльку, брызгающуюся водой в выложенной новой плиткой ванной. Но по мере таянья у стены штабеля голубого кафеля «настоящее счастье» тоже как-то таяло, тускнело и съеживалось. Когда в ванной под раковиной были уложены две последние плитки с тонкими змеевидными трещинками, «любовь» сошла и вовсе на нет. Нина с Димкой беззлобно расстались такими же старинными приятелями, какими случайно встретились в магазине хозяйственных товаров, и почти никогда не вспоминали друг о друге...

Вторым, кто запал на Нину, стал постоянный попутчик в метро. Они довольно часто в одно и то же время сталкивались с ним утром у эскалатора, а потом ехали в одном вагоне электрички. Симпатичный молодой мужчина, на которого не могла не обратить внимания Нина, выходил на одну остановку раньше ее, и она даже несколько раз пыталась прикинуть, где он работает. Потом Нина заметила, что они в течение месяца встречаются абсолютно каждый

день. А однажды, когда он проехал свою остановку и вышел вместе с ней, Нина поняла, что это неспроста. Женское сердце-вещун ее не подвело. Молодой мужчина шел за ней до самой проходной, а когда понял, что она сейчас нырнет в крутящуюся дверь, все-таки решился остановиться.

– Давайте вечером встретимся, – без предисловий предложил он.

– Я заканчиваю работу в 15.00, – так же по-деловому ответила Нина.

– Я буду ждать вас у проходной, – отрапортовал он и тут же пошел назад к метро.

Этот день Нина отработала, находясь одновременно за микроскопом и в чаду сладких грез. К концу рабочего дня она распалила себя так, что готова была отдаться симпатичному попутчику прямо у вертушки на глазах у военизированной охраны. Видимо, попутчик пребывал в аналогичном состоянии. Как только они с Ниной оказались в пустынном сквере около проходной, то накинулись друг на друга и целовались до тех пор, пока не вспухли губы, и в это время как раз повалил из крутящихся дверей «Петростали» густым потоком народ.

– Почему вы заканчиваете работу раньше всех? – законно спросил Нину исцелованный и исцеловавшийся попутчик, имени которого к тому моменту она так еще и не знала.

– У нас сокращенный рабочий день по причине рентгеновского излучения приборов.

– А это не вредно? – спросил он, и это уже было началом конца только что зародившегося романа, о чем, конечно, Нина еще не подозревала.

– Надеюсь, что не очень, – сказала она и в дополнение к словам вынуждена была пожать плечами, потому что тревога явственно читалась в его красивых глазах с длинными, загнутыми вверх ресницами. Поскольку тревога и после пожимания плечами не исчезла, а как бы еще и усугубилась, она на всякий случай отрапортовала: – У нас осуществляется постоянный дозиметрический контроль и ежегодное медицинское освидетельствование.

Видимо, она здорово понравилась этому попутчику, который при более близком знакомстве оказался Владиком, потому что он не бросил ее, облученную приборами, тут же в сквере у проходной и не побежал сразу обследоваться после ее поцелуев сам. Они еще около месяца встречались и целовались и даже совершали более откровенные действия, но со временем Нина поняла, что у Владика здорово свернута крыша на предмет здоровья и того вреда, который может принести ему окружающая среда. Его маменька была еще более сдвинутой на этом предмете, она работала секретарем главврача санэпидстанции и отнюдь не понаслышке знала о педикулезе, трихомонозе, разгуле сифилиса и клещевого энцефалита. Мать с сыном, сняв целлофан с батонов и буханок, обжигали хлеб над газом; дополнительно проваривали колбасы, мыли с хлоркой овощи, особенно тщательно стирали в «Аисте – БИО» бумажные деньги и отмачивали в марганцовке с солью и йодом – металлические. Сначала Нина, оглушенная свалившейся на голову любовью, только дружелюбно посмеивалась над «безобидными причудами». Когда же эта дружная семейка отказалась есть испеченные ею ко дню рождения Владика и привезенные в городском транспорте пироги с капустой, она первый раз серьезно задумалась. Правда, Владикина мамаша тут же, и очень доходчиво, объяснила Нине, что полиэтиленовые мешки, в которых она везла свое угощение, не запаянные, а потому в метро в них набилась прорва болезнетворных микробов. Нина не стала обжигать свои пироги над газовой плитой. Она демонстративно вывалила в мусорное ведро плод своих трудов, и окружающие абсолютно при этом не расстроились, а как раз напротив, принялись весело поглощать приготовленный Владикиной мамашей из совершенно стерильных (где она только их достала?) продуктов торт «Наполеон». Нина пыталась заглядывать в красивые глаза Владика, но они в тот момент, как назло, были надежно скрыты от нее длинными ресницами и обращены исключительно к машиному торту. Нине же этот торт в горло не шел. Она намеревалась после торжественного ужина при свечах сказать Владике все, что ей последнее время приходило в голову и по поводу стиранных денег, и по поводу клещевого энцефалита, и, главное, по поводу торта «Наполеон», который его мамаша совершенно не умела готовить. Но после ухода немногочисленных гостей

Владик так ловко запечатал ей рот страстным поцелуем, что она потеряла дар речи вплоть до самого утра. Что-что, а целоваться Владик умел и любил. Он вообще очень хорошо делал все, что касалось секса, чем Нину совершенно обезоруживал и обескураживал. Двое ее мужчин – бывший муж Георгий и Димка Ляховой – особой изобретательностью по этой части не отличались. Они все делали споро и быстро, и в тот момент, когда Нинино тело только-только распускалось цветком и становилось готово к самым изощренным ласкам, обычно с присвистом уже засыпали, или шли покурить, или усаживались с чашечкой кофе перед телевизором.

То, чем виртуозно владел Владик, возможно, и называлось страшно неприличным словом «Камасутра». Нина, в общем-то, была очень серой на сей счет женщиной, потому могла и перепутать. Но бывший попутчик, а ныне горячий любовник, умел доставить ей такое наслаждение, о котором женщины в лаборатории поговаривали, что такого не бывает в жизни. Нина вовсе не делилась с ними своими ощущениями, просто Валентина с Фаиной, иногда беседуя о своем, о девичьем, сходились во мнении, что мгновенный здоровый сон мужчины сразу после интимных отношений на самом деле является нормой, а то, о чем пишут в женских романах, – не более чем плоды воспаленной фантазии неудовлетворенных писательниц, что сродни шизофреническим бредням.

После победы «Наполеона» над Ниниными пирогами она все чаще и чаще стала задумываться над тем, почему Владик занимается с ней любовью, хотя она каждый раз перед этим едет к нему в насквозь пропитанном стрептококками метро, являясь, таким образом, опаснейшим бациллоносителем. Конечно, она перед любовными утехами посещала душ, но при этом не обеззараживала себя хлоркой и не обжигала кожу над газовой горелкой. В конце концов она поняла, что любовь Владиду как раз и нужна для здоровья. Заниматься сексом очень полезно, а насыщено и с удовольствием – полезно вдвойне, потому что это молодит организм и продлевает жизнь. Горячий секс, который Владик обеспечивал Нине, своей высокой температурой, очевидно, убивал любой стрептококк и, возможно, даже палочку Коха. Кстати тут будет сказать, что по профессии Владик был врачом-терапевтом, ни одного дня не работавшим по специальности. Когда-то деятельная мамаша, пользуясь своими санэпидемиологическими связями, пропихнула его в институт, чтобы до зубов вооружить против болезней. «Враг должен быть изучен, и тогда он будет побежден», – приговаривала она, таща сына за уши с курса на курс. После окончания института, разумеется, даже не могло быть и речи о том, чтобы Владик работал в поликлинике, то есть в самом рассаднике и эпицентре. Она пристроила сына литсотрудником в специальный медицинский журнал под названием «В помощь участковому терапевту», где он с успехом подвизался до сих пор. Два его самых убойных материала о столбняке и паховой грыже висели у Владикиной мамы над кроватью в рамочке под стеклом.

Нина хорошо помнит тот день, когда уехала от Владика, твердо решив никогда больше к нему не возвращаться. Накануне он ненароком проговорился мамаше, что Нина работает на приборах с ионизирующим излучением. Мамаша тут же впала в предкоматозное состояние, и Владик посоветовал Нине принести для нее справку от гинеколога на предмет отсутствия новообразований. Нина решила, что он пошутил, и в свою очередь попросила его, как дипломированного терапевта, популярно объяснить мамаше, что любые новообразования не передаются ни половым и никакими другими путями и что пусть она лучше не каркает, потому что это грешно. Когда же Нина на следующий день переступила порог Владикиной квартиры, из своей комнаты тут же выкатилась сильно ухайдаканная санэпидемиологической службой мамаша и потребовала вышеупомянутую справку. Нина гордо развернулась, хлопнула изо всех сил дверью и уехала домой, даже не объяснившись с Владиком. Он потом еще долго звонил ей, встречал около проходной, возле дома и в метро, умолял простить выжившую из ума женщину, но Нина была непреклонна. По ночам ее тело изнывало без его ласк и поцелуев, но как только она вспоминала стиранные деньги и справку от гинеколога, то сразу взбадривалась и мечтала послать Владикиной мамаше в конверте споры сибирской язвы. В конце концов Нина обуздала

свое тело, задушила нескромные желания и присоединилась к группе товарищей, утверждавших, что «секса у нас нет». С тех пор она воспылила страшной ненавистью к торту «Наполеон» и заодно к абсолютно неповинному в ее страданиях императору Бонапарту, а литературный сотрудник журнала «В помощь участковому терапевту» по имени Владик исчез из ее жизни навсегда.

Небольшой ресторанчик, куда Тарасов привез Нину, назывался «Медвежья берлога». Она, конечно, никогда не бывала в берлоге, но ей подумалось, что там наверняка именно так: темно и тепло. Администратор провел их к столику, отделенному от остальных какими-то мохнатыми шкурами. На столике, застеленном темно-коричневой скатертью, стояла стилизованная под старинный фонарь настольная лампа, пронзительно белели тарелки, посверкивали тонкостенные фужеры и блестели столовые приборы. Нина опустилась в плетеное кресло с мягкой и коричневой, в тон скатерти, подушкой. Тарасов пробежал глазами меню в кожаной, с тяжелой металлической пряжкой обложке и передал его Нине. Она опустила глаза на мелованный лист и прочитала:

– «Медвежьи почки»... «Медвежьи ушки»... Какой ужас! Я когда-то пила, извините, мочегонное под названием «Медвежьи ушки»! Это, случаем, не оно?

– Конечно, нет! – рассмеялся Тарасов. – На самом деле почки у них свиные, а «Медвежьи ушки» – напиток на брусничной воде с лепестками шиповника.

– Вообще-то брусника... она тоже, знаете ли, того... с теми же свойствами, – заметила Нина и, неприязненно содрогнувшись, ткнула пальцем в меню, напрочь забыв про свои руки забивательницы бетонных свай. – Смотрите, а тут еще и «Медвежьи глазки»! Предупреждаю, я не желаю есть ничьи глазки!

– Ниночка! Это же всего лишь десерт! – продолжал улыбаться Тарасов. – Вот увидите: вам понравится! Мы непременно закажем эти «глазки»!

– И что, выходит, что все меню – сплошная туфта?

– Нет. Вверху, видите, «Медвежатица по-таежному»! Говорят, это настоящий медведь!

– Что значит, говорят? Вы что, сами не пробовали?

– Честно говоря, нет. Я вообще не любитель экзотики. Меня в этот ресторанчик однажды привел приятель и накормил хорошей говядиной в пряном соусе. Я и сам, вы уже знаете, могу приготовить мясо, но иногда хочется, чтобы это для тебя сделали другие. В такие моменты я прихожу сюда, особенно когда хочется посидеть в интимной обстановке. – И он многозначительно посмотрел на Нину. – Я и вам закажу то, что нравится мне, если вы, конечно, не пожелаете что-нибудь по собственному выбору.

– Нет уж! Навыбиралась! – Нина захлопнула меню и отдала его Тарасову.

– А что будем пить? – Тарасов опять призвал Нину к ответу.

Она абсолютно не разбиралась в напитках. На праздники в лаборатории Валентина с Фаиной покупали какие-то вина, в названии которых обязательно было слово «монах». Вина всегда были разные, и Нина не переставала удивляться тому, что монахи, оказывается, так слабы на предмет выпивки. И вообще обидно, почему есть вино «Искушение монаха», но нет вина «Искушение инженера-металловеда»... Почему нет напитка под названием «Любимое вино программиста» или «Тайна учителя младших классов»? Однажды после очередного «монаха» ведущий инженер Лактионов долго плевался и сказал, что в следующий раз он сам купит коньяка, и подороже, и за собственные деньги, только чтобы не отравиться как-нибудь ненароком этой бормотухой. На очередной праздник он действительно принес нарядную коричневую бутылку. Нина чуть не задохнулась, хряпнув коньяка тем же макарон, каким глотала любого из «монахов». Витька потом долго отпаивал ее минеральной водой и, хохоча, вытирал ей слезы чистой бязью, только что полученной в хозяйственной части для протирки

оптики, но зато на следующий день у Нины абсолютно не болела голова. Попутно она вспомнила еще и Светкину «Царицу Тамару», но сказала почему-то:

– Коньяк.

– У вас есть любимый? – опять спросил Тарасов.

– Пожалуй... «Лотрек»! – гордо выдала Нина. Перед тем как залезть сегодня в «Веге» в толпу у овощного прилавка, она некоторое время была притиснута к винно-водочному отделу. На уровне ее глаз как раз и стояла стройная подарочная бутылка французского коньяка с именем знаменитого импрессиониста и четырехзначным числом в ценнике.

– Никогда не пил, – признался Тарасов и подозвал официанта, наряженного егерем.

Егерь отрицательно и смущенно покачал головой. В их «берлоге» никакие «Лотреки» не водились.

– Может, тогда армянского... пять звездочек? – предложил Михаил Иннокентьевич.

Нине оставалось только снисходительно кивнуть, как гордой царице Тамаре.

Когда принесли так полюбившееся Тарасову мясо в пряном соусе, Нина обрадованно занялась им, потому что можно было наконец молча есть и не изображать из себя раскрепощенную ресторанный женщину. Тарасов и не догадывался, что в то самое время, когда она весело щебетала про «Медвежьих ушки» и коньяк «Лотрек», сердце ее ухало, как колокол, а ладони были липкими и горячими. Все-таки Михаил Иннокентьевич – очень красивый мужчина и, главное, в Нинином вкусе: высокий, с широкими, чуть сутуловатыми плечами, бархатными, как у Владика, глазами и звучным голосом. Нина решила демонстративно выставить ему напоказ свои неухоженные руки. Пусть сразу увидит все ее недостатки и прикинет свои возможности на предмет их приятия. Ей-то он нравится весь и целиком, кроме, конечно, расхваленного мяса. Никакой это и не пряный соус! Обыкновенный кисло-сладкий с черносливом. Нина делает его лучше. Если все пойдет хорошо, то она потом угостит Тарасова... Потом угостит... Ха-ха! Может, ему больше и не захочется с ней встречаться... Надо суметь проявить себя необременительной дамой, но это-то как раз и труднее всего. Русские женщины, к которым Нина себя гордо и по праву причисляла, не умеют подавать себя как легкую закуску. С пряным соусом – это пожалуйста! С горьким перцем – запросто! С уксусом – сколько угодно! И даже с приторно-сладким кремом – это у них не заржавеет! А вот легкие отношения ни она сама и никто из ее подруг и приятельниц строить не умел. Обязательно все в слезах, соплях, на пределе, на надрыве, на валокордине и на операционном столе вживую, без наркоза.

Армянский коньяк в пять звездочек подействовал на Нину до такой степени, что она вдруг зачем-то заговорила об урнах с фамилией «Тарасов». Михаил Иннокентьевич смущенно улыбался и объяснял, что поддался уговорам не очень умного пиарщика и уже испил чашу позора величиной аккурат с урну до дна.

– Может, тогда стоит их убрать? – спросила Нина.

– Что вы, Ниночка! Пусть себе стоят. Во-первых, от них есть реальная польза по сбору мусора, во-вторых, люди им улыбаются, вот совсем как вы; а в-третьих, они все-таки работают на рекламу наших магазинов. Это как... жареные факты в бульварной прессе. Вспомните звезд шоу-бизнеса. С одной стороны, про них пишут сущий бред, что не очень-то им приятно, с другой – именно таким образом и подогревается постоянный интерес к ним публики.

– И вы ради этого интереса даже готовы подписываться под ужасным слоганом про «прикупив даров»?

– Во-первых, под этим перлом нет моей подписи, а во-вторых... вы правы: я подпишусь подо всем, что принесет пользу Светлане и ее бизнесу.

– Неужели это приносит пользу?

– Ну... ей так кажется, а я...

– А вы готовы ради нее на любые жертвы, – подсказала Нина.

– Пожалуй, так... – Тарасов как-то особенно пристально посмотрел ей в глаза, и Нина даже без особой горечи констатировала, что все зря: и «Медвежья берлога», и армянский коньяк с пятью звездочками, и Танькино платье...

Но потом они танцевали медленные танцы, и Нине казалось, что жаркие ладони Тарасова спалют к черту Танькин шифон. Затем ели страшненькие «Медвежьих глазки», которые оказались сливочным суфле с вишенкой в центре, в апельсиновой засахаренной корочке, и запивали их сладким, как зарождающиеся чувства, кофе. Потом снова танцевали. Горячие губы Михаила Иннокентьевича касались Нинино виска, а у нее дрожали колени и вскипал в желудке армянский коньяк.

Уже в машине Тарасов односложно спросил:

– Куда?

Нина ответила абсолютно в стиле русских женщин под кислым соусом:

– А куда вам Светлана Аркадьевна велела меня отвезти?

– Ниночка! Ну зачем вы так? – Михаил Иннокентьевич посмотрел на нее беспомощно, а она пожала плечами.

Тарасов стукнул кулаком по приборной панели, но не сильно: все-таки машина дорогая. Нине стало противно оттого, что в голову ей лезут дурацкие мысли. Надо бы просто обнять его и прижаться щекой к его щеке. Она повернулась к нему как раз в тот момент, когда Михаил Иннокентьевич, очевидно, подумал примерно о том же самом, и встретились они отнюдь не щеками, а самыми что ни на есть губами. Поцелуи владельца сети магазинов «Вега» были так же хороши, как и литсотрудника журнала «В помощь участковому терапевту», который нет-нет да и приходил к Нине во снах.

– В Светланину постель я не поеду, – оторвавшись от Тарасова, заявила Нина.

– Я так и думал, – согласно кивнул Михаил Иннокентьевич и вставил ключ в замок зажигания.

Всю дорогу молчали. Нина никак не могла понять, рада она тому, что с ней происходит, или нет. Если бы они просто так, случайно, познакомились с Тарасовым, то Нина, безусловно, была бы счастлива. Но все дело было в Светке, которая, грубо говоря, просто подлюжила подругу своему мужу. Это все портило и было той самой знаменитой ложкой дегтя.

Квартира, куда Тарасов привез Нину, находилась в центре Питера, на улице Марата, в старом доме, и была однокомнатной. Уже в прихожей Нина поняла, что не отказалась бы тут пожить. Стены были оклеены бумажными обоями любимого ею медово-золотистого цвета. Около строгого квадратного зеркала в тонкой коричневой раме висел не менее строгих форм светильник, под ним стоял маленький столик, тоже коричневый, заваленный всякой мелочью: ключами, визитками, зажигалками и начатыми пачками сигарет. Все, как в квартирах обыкновенных питерских обывателей. Только не видно вешалки со смятыми пальтошками, куртками и облезлыми шубейками времен Первой мировой, которые обожали хранить жители северной столицы на случай облавы, наводнения или блокады. Наверняка, за какой-нибудь из дверей, выходящих в прихожую, находится гардеробная, которая и существует для того, чтобы отличать от простых граждан – граждан непростых, хотя и умело маскирующихся. Интересно, предложит ли Тарасов Нине тапочки? Или стоит снять Лялькины босоножки и шлепать босиком?

– Это мое личное жилище, – сказал Михаил Иннокентьевич, щелкнув выключателем в комнате и не предложив Нине переобуться, что ей очень понравилось. – Здесь никого, кроме меня, не бывает.

– Свежо преданье, да верится с трудом, – отреагировала Нина и, тут же пожалев о своих словах, поспешила добавить: – Хотя... мне до этого нет никакого дела.

Тарасов ничего не сказал, но почему-то посмотрел на нее с иронией.

– Кофе? Чаю? – спросил он.

– Кофе, – ответила Нина.

Ей после ресторана и «Медвежьих глазок» не хотелось вообще ничего, но она подумала, что по протоколу подобных встреч, пожалуй, полагается выпить чашечку кофе. Тарасов ушел на кухню, а она огляделась и поняла, что абсолютно обезоружена. Михаил Иннокентьевич был ее человеком! Он обставил квартиру так, как обставила бы свою Нина, если бы жила одна и имела деньги. Ничего офисного: белого, металлического, встроенного и утопленного. Все традиционно и элегантно. Нина любила темные и тяжелые шторы, которыми легко отгородиться от внешнего мира, и у Тарасова были как раз такие: однотонные, темно-зеленые, в мягких уютных складках. В тон им, но посветлее, были подобраны обои с едва заметными матовыми полосками. Мебель тоже была тяжелая, сочно-коричневая, много книг за стеклами шкафов. Вместо так модной ныне скользкой и холодной кожи, диван и кресла были обтянуты велюром, тоже зеленого цвета, на тон темнее, чем шторы. На низеньком столике, заваленном журналами и книгами, в коричневой рамочке стояла фотография симпатичного молодого человека с такими же, как у Тарасова, бархатными глазами.

– Это Пашка, сын, – кивнул на фотографию Михаил Иннокентьевич и поставил на столик лакированный черный поднос с двумя чашечками, тускло-серебряной туркой и вазочкой с печеньем.

– Милый у вас Пашка, – откликнулась Нина.

– Да, хороший парень. Но и ваша Ляля – красавица. Такая же, как вы...

Нина тут же хотела сказать, что она никакая не красавица, и даже предъявить для доказательства доярочки руки, но вовремя одернула себя и ответила:

– Я думаю, что Лялька гораздо лучше... – и чуть не добавила: «Потому что моложе»...

– Лучше не бывает, – еле слышно сказал Тарасов, и Нина почувствовала, как уходит из-под ног пол, устланный темным и мягким ковром. Она вынуждена была опереться на руку стоящего рядом Михаила Иннокентьевича, и горячий кофе в чашечках из тонкого фарфора остался нетронутым.

Пальцы Тарасова оказались не только ласковыми, но и очень ловкими. Они мгновенно справились с многочисленными пуговками Танькиного шифонового платья, и Нина послала мысленный привет с благодарностями Ляльке, заставившей ее переодеть выцветший бюстгальтер и пенсионного фасона трусы в цветочек.

Поскольку спальни в квартире Тарасова не было, а диван, не готовый к приему гостей, стоял еще по стойке «смирно!», все происходило прямо на пушистом, в петельках, ковре. Михаил Иннокентьевич Тарасов, депутат, бизнесмен и красивый мужчина, действовал очень умело. Он словно пил Нину, как дорогое вино, смакуя и наслаждаясь букетом. Подобное не практиковал даже для своего здоровья Владик, потому что, возможно, это было и не полезно, так же, как, к примеру, не полезна дорогущая копченая колбаса, которой все равно очень хочется. Тарасов довел Нину до исступления. Ей стало казаться, что если процесс наконец не подойдет к стадии логического завершения, то она взорвется со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде разлетевшихся по всей комнате ошметков ее измочаленной плоти. К чести депутата и бизнесмена надо отметить, что процесс до завершения все-таки дошел.

– Тебе было хорошо? – гостеприимно осведомился вежливый Михаил Иннокентьевич и по-отечески поцеловал Нину в висок.

– Пожалуй, – ответила она, поднялась с ковра и залпом проглотила остывший кофе и затолкала в рот сразу два печенья. Депутат умел заставить электорат работать с огоньком и до нагула волчьего аппетита.

Пока Нина отходила от процесса любви под струями душа, в ее мозгу полным ходом шел процесс мыслительный. «О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья...» дух?... или не дух? Какой кошмар! Она забыла уже ставшие хрестоматийными строки! Вот что значит читать одни женские романы и детективы! Надо перечитать Пушкина. Или не Пушкина?

Ужас!! Похоже, в ее мозгу полным ходом идет дегенеративный процесс! Нина решила срочно вспомнить продукты распада при охлаждении углеродистой легированной стали с высоких температур. Все эти мартенситы, трооститы вспомнились мгновенно. Значит, еще не все потеряно! Профессиональные знания не пострадали, но Пушкина перечитать все равно не мешает!

Нина удивилась, что в чужой ванной ее почему-то понесло на Пушкина с мартенситом. Ах, да! На самом-то деле она размышляла о Тарасове. Казалось бы, после Владика ее трудно было чем-то удивить, а вот поди ж ты! Удивил, Михаил Иннокентьевич! Нина вдруг почувствовала, что желает немедленного повторения того, что с ней происходило, но на другом, более осмысленном уровне. Она сейчас была, что называется, на новенького, а теперь есть смысл подключить к делу и свои знания предмета, которыми ее вооружил несостоявшийся участковый терапевт. Нина наскоро смыла душистую пену, вытерлась огромным мягким полотенцем и выскользнула из ванной в чем мать родила. Тарасов понял ее сразу, тем более что диван уже был раздвинут и на нем снежно белело постельное белье с прошивками ришелье. И все повторилось. Эти два тела подходили друг другу, как две половинки неровно разрезанного яблока: выступ к впадине, выпуклость к вогнутости, зазубренность к шербинке.

Утром Михаил Иннокентьевич Тарасов застегнул на шее Нины Николаевны Муромцевой тонкую золотую цепочку с бриллиантовой капелькой. На ней было Танькино лиловое платье, новое и купленное не на вещевом рынке, а в каком-то дорогом бутике. Нина, стараясь не уронить марку легкой женщины, изо всех сил держала себя в доярочьих руках, чтобы ненароком не сорвать подарок и не бросить его Тарасову в лицо со словами: «Я не из тех, которые продаются!»

Когда она проходила сквозь вертушку проходной «Петростали», то в очередной раз подумала, что, оказывается, в слюнявых розовых романах иногда пишут правду. И никто не виноват, что некоторые женщины так правильно переходят дорогу, что их не сбивают «Мерседесы» и не обрызгивают прочие навороченные иномарки. На лестнице по пути в родную лабораторию она сняла цепочку с бриллиантовой капелькой и сунула ее в боковой кармашек сумки, подальше от цепких глаз Галины Андреевны Голощекиной.

Бывшая серая троечница Светка Белова и нынешняя удачливая бизнесменша Светлана Аркадьевна Тарасова держала в руках двойной листок мерзкой газетенки «Будни нашего микрорайона» и исходила ненавистью к ее главному редактору и своему главному конкуренту Леониду Геннадьевичу Волосову. Волосов тоже имел сеть продуктовых магазинов под общим фирменным названием «Солнышко». Он намеревался открыть новый магазин именно в том месте, где раньше его успела построить свой магазин Светлана. Простить это чете Тарасовых он не мог и после нескольких мелких уколов и смехотворных наскоков в стиле классической Моськи пустил в ход довольно-таки тяжелую артиллерию. На первой полосе своей газеты он поместил ярко-бордовым цветом набранную передовицу следующего содержания:

«Уважаемые земляки!

С целью уточнения законности использования земельного участка между домами № 45 и 47 по Западной улице мною был направлен запрос в Комитет по градостроительству и архитектуре администрации г. Санкт-Петербурга. Из полученного ответа (помещается ниже) совершенно очевидно, что по генплану г. Санкт-Петербурга данный земельный участок должен быть зеленой зоной, то есть местом размещения парка, сквера и т. п. Застройка этого участка является реализацией больших коммерческих претензий фирмы „Вега“ и ее владельца г. Тарасова М.И. Общественные обсуждения по данному вопросу проведены с грубыми нарушениями и фактически сфальсифицированы...»

Передовица насчитывала еще три абзаца, а в конце действительно прилагалось письмо из Комитета по градостроительству, пестреющее номерами решений и распоряжений адми-

нистрации Санкт-Петербурга, которыми грубо пренебрегла фирма «Вега». Ежу понятно, что рушить уже построенный и во всю функционирующий магазин никто не будет, поэтому Волосов имел явно иные намерения. Хорошо бы выяснить, на что он претендует. Кому поручить? Мишке нельзя и бесполезно. Волосов его быстро собьет с панталыку и обведет вокруг пальца. Ленка – мужик тертый и хваткий. Он проморгал участок возможной застройки только потому, что переживал в тот ответственный момент самые медовые дни романа с начинающей, но уже приобретшей определенную известность питерской моделью Сабиной, и по причине понятной размягченности организма утратил свою звериную бдительность. Светлана знала эту Сабину, которая соорудила себе имя из собственной фамилии Собина. Ничего себе деваха, длинноногая! Из-за такой можно и слететь с копыт. Светлана вспомнила, как два года назад сама слетела...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.